

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2025 №3

Содержание

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

Е. В. Шишмарева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора

О. В. Горбач, канд. экон. наук (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Редакционный совет:

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)

Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

О. В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Е. В. Кузнецов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Л. А. Петрякова, преподаватель (г. Иркутск)

М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ

Журнал «ExLegis: правовые исследования»

тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84

e-mail: exlegis@law.isu.ru

website: exlegis.ru

Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.

Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

Баталин Б. С.

Соотношение административной и уголовной ответственности
за нарушение правил охоты и незаконную охоту 2

Бояркин А. И.

Способы краж, совершенных с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий 9

Жук У. В.

Этическая хартия Совета Европы как основной источник имплементации
принципов использования искусственного интеллекта в судопроизводстве
Российской Федерации 15

Мешеряков А. Л.

Проблема разграничения порочащих сведений и форм реализации
свободы мысли и слова в отечественной цивилистической доктрине и
российской правоприменительной практике 20

Санжиев Ж. Ж.

Понятие и сущность прокурорского надзора за соблюдением
процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела 26

Слободчикова М. О.

Актуальные проблемы заочного производства
в гражданском процессе и возможные пути их решения 29

Тужицкая В. А.

Правовые основы прокурорского надзора за исполнением законов
в семейной сфере 35

Цздашиев Б. Б.

Правовые аспекты банкротства застройщиков в России: проблемы
трансформации требований и защиты прав участников строительства 39

Шоноева С. А.

Особенности квалификации розничной продажи несовершеннолетним
алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий,
никотинсодержащей продукции или сырья для их производства,
кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции 43

Соотношение административной и уголовной ответственности за нарушение правил охоты и незаконную охоту

© Баталин Б. С., 2025

Б. С. Баталин

Студент 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ivexfootball5139@gmail.com

Научные руководители:

О. П. Личичан, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: director@law.isu.ru

Р. А. Забавко, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: zrairk@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы закрепления правил охоты, разграничения административной и уголовной ответственности за нарушение правил охоты и незаконной охоты, а также выделения основных признаков нарушения, имеющих значение для квалификации.

Ключевые слова: охота, правила охоты, нарушение правил охоты, незаконная охота, ответственность за незаконную охоту, квалификация нарушений в области охоты.

В настоящее время проблема экологических преступлений приобретает все более острое значение. Каждый год количество правонарушений и преступлений в области охоты периодически меняется, но, согласно статистике, остается на высоком уровне. Это связано прежде всего с разработкой новейших средств и способов добычи диких животных. При этом законодательство во многом не поспевает за изменениями в этой сфере, и именно из-за этого возникают определенные сложности с квалификацией. Данная статья призвана устранить некоторые из проблем, связанных с правовой оценкой деятельности лиц, допускающих незаконную охоту.

Методологической базой выступили такие методы, как формально-юридический, метод анализа, синтеза, системный метод, структурно-функциональный метод, метод конкретно-социологических исследований и др.

Для наиболее полного анализа указанной проблемы необходимо начать непосредственно с исследования Правил охоты, определения их содержания и основных положений.

Действующие Правила охоты (далее – Правила) были утверждены приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 24 июля 2020 г. № 477 «Об утверждении Правил охоты», который вступил в силу с 1 января 2021 г. [1].

В общих положениях Правил закреплено, что «охота – это деятельность, связанная с поиском, отслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой» [2]. Стоит отметить, что п. 4 Правил охоты устанавливает, что нахождение в охотничьих угодьях физических лиц с орудиями охоты и продукцией охоты, со-

баками охотничьих пород, ловчими птицами также считается охотой.

В п. 5–13 закрепляются обязанности лиц, осуществляющих охотничью деятельность.

Разделы 2–9 Правил устанавливают требования к охоте на копытных животных; медведей; пушных животных; боровую дичь, степную и полевую дичь, болотно-луговую дичь, водоплавающую дичь, горную дичь и иную дичь; к охоте с собаками охотничьих пород и ловчими птицами; к отлову и отстрелу охотничьих животных; к сохранению охотничьих животных, в том числе к регулированию их численности; к продукции охоты.

Особое значение имеет раздел 10 Правил «Иные параметры осуществления охоты», в нем закреплены основы безопасности при осуществлении охоты. Следует отметить, что начинающих охотников, которые еще не сталкивались с правовой материей охоты, необходимо изначально ознакомить именно с п. 72–74 Правил, так как именно соблюдение техники безопасности при осуществлении охотничьей деятельности направлено на сохранение жизни и здоровья людей.

В Правилах также установлены сроки охоты на отдельные виды животных. Однако в п. 16 указано, что данные сроки в случаях, предусмотренных Правилами, может определять высшее должностное лицо субъекта РФ. Виды разрешенной охоты также могут быть установлены главой субъекта, но только на основании Правил.

Также данную сферу регулирует Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Данный нормативный правовой акт закрепляет основные определения в сфере охотничьей деятельности, цели охоты, контроль над охотой, различные мероприятия по сохранению охотничьих ресурсов.

Стоит отметить нововведения в данный правовой акт, которые вступили в законную силу с 1 января 2025 г. Статья 1 дополнена п. 17 следующего содержания: «Охотничий минимум – совокупность знаний и навыков, необходимых для осуществления охоты»; в закон введена ст. 21.1 «Охотминимум», которая устанавливает дополнительное испытание для получения охотничьего билета. Таким испытанием выступает проверка знаний и навыков, входящих в охотничий минимум. К ним ч. 2 и 3 настоящей статьи отнесено:

- 1) знание требований безопасности при осуществлении охоты;
- 2) знание ограничений охоты, а также иных параметров охоты, установленных правилами охоты;
- 3) знание основ биологии диких животных;
- 4) навыки безопасного обращения с орудиями охоты;
- 5) навыки ориентирования на местности;
- 6) навыки обращения с добытыми охотничьими ресурсами.

Установление такого испытания выполняет превентивную функцию. Считается, что необходимый минимум знаний обеспечит безопасность охотников и соблюдение ими правил охоты. Как уже было указано ранее, количество правонарушений и преступлений в области охотничьей деятельности увеличивается ежегодно. Однако новый порядок получения охотничьего билета закреплён для того, чтобы описать правомерное поведение субъектов охотничьей деятельности.

В целях разрешения вопросов конкуренции норм КоАП РФ и УК РФ рассмотрим нормы, устанавливающие ответственность за незаконную охоту.

Административная ответственность за нарушение правил охоты установлена ст. 8.37 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4].

Вместе с тем следует отметить тот факт, что Правила охоты, как было указано выше, не являются законодательным актом. Если сравнить формулировку административного правонарушения «нарушение правил охоты» и формулировку, которая дана в УК РФ, «незаконная охота», то во втором случае понятие значительно шире, так как если обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября

2012 г. № 21, а именно к абз. 2 п. 8, то можно выделить, что незаконной является охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охота без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты и др. В этой связи ряд авторов считает необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ и изменить формулировку «нарушение правил охоты» на «нарушение законодательства об охоте» [5, с. 216].

Часть 1.1 ст. 8.37 КоАП закрепляет повторность нарушения правил охоты по ч. 1 данной статьи.

Часть 1.2 ст. 8.37 КоАП устанавливает ответственность за осуществление охоты с нарушением установленных правилами сроков охоты.

Часть 1.3 ст. 8.37 КоАП закрепляет ответственность за непредъявление по требованию должностных лиц органов, уполномоченных в области охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира (в том числе отнесенных к охотничьим ресурсам) и среды их обитания, органов, осуществляющих функции по контролю в области организации и функционирования особо охраняемых природных территорий федерального значения, государственных учреждений, находящихся в ведении органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих государственный охотничий надзор, функции по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания, других уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации должностных лиц, производственных охотничьих инспекторов охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием.

Особенностями административно наказуемой незаконной охоты является следующее:

- Правонарушение по ч. 1 ст. 8.37 представляет собой нарушение установленных правил охоты, при условии отсутствия повторности в течение календарного года и отсутствия признаков составов, предусмотренных ч. 1.2 и 1.3 данной статьи.
- Исключительные случаи определяются положениями ч. 1.2 ст. 8.37, согласно которым действия, связанные с использованием запрещенных орудий и методов охоты, применением транспортных средств и воздушных судов, а также использованием взрывчатых веществ и других средств массового истребления живот-

ных, квалифицируются как уголовно наказуемое деяние по п. «б» ч. 1 ст. 258 Уголовного кодекса РФ.

- Критерии ущерба определяются Правительством РФ с использованием специальных такс и методик исчисления. Административная ответственность наступает при размере ущерба, не превышающем 40 тыс. руб. [6].

Отдельная квалификация предусмотрена для случаев незаконной добычи охотничьих ресурсов (копытных животных и медведей) без соответствующего разрешения. Такие действия регулируются ч. 2 ст. 7.11 КоАП РФ и не подпадают под действие ст. 8.37.

Важно отметить, что разграничение административной и уголовной ответственности осуществляется с учетом характера нарушений, применяемых средств и размера причиненного ущерба.

Некоторые авторы считают, что одним из основных критериев разграничения административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере охотничьей деятельности является виновность лица [7, с. 383]. Охотник должен осознавать, что совершаемое им деяние обладает общественной опасностью, т. е. должен присутствовать так называемый криминообразующий фактор, и только в таком случае он может быть привлечен к уголовной ответственности.

При квалификации нарушений в сфере охотничьего хозяйства особое внимание уделяется субъективной стороне деяния. В случаях, когда нарушитель не понимает противоправный характер своих действий и их потенциальную опасность для общества, правовое регулирование осуществляется в рамках административно-го законодательства.

Правовая оценка подобных ситуаций основывается на следующих положениях:

- отсутствие осознания общественной опасности исключает возможность привлечения к уголовной ответственности;
- при неведении лица относительно противоправного характера действий применяется ст. 8.37 КоАП РФ;
- квалификация деяния зависит от субъективного восприятия нарушителем своих действий.

Практическое значение данного подхода заключается в том, что он позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от степени вины нарушителя. Это соответствует принципам справедливости и обеспечивает индивидуальный подход к каждому случаю нарушения охотничьего законодательства.

Важно подчеркнуть, что подобная правовая конструкция способствует более точному определению меры ответственности, учитывая не

только объективные признаки деяния, но и субъективное отношение нарушителя к своим действиям.

Однако такую точку зрения можно оспорить тем, что для образования состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, нужно учитывать не только субъективные, но и объективные признаки. Для наиболее полного изучения проблем, связанных с квалификацией, следует перейти к рассмотрению уголовно-правовой характеристики незаконной охоты.

Уголовная ответственность за незаконную охоту установлена ст. 258 и 258.1 УК РФ [8].

Понятие незаконной охоты, указанное в абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», универсально и не отличается при описании преступления и административного правонарушения.

Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие сохранность охотничьих ресурсов и порядок организации их добычи [9, с. 145], и такая точка зрения наиболее полно охватывает сущность охраняемых уголовным законом отношений в данной сфере правового регулирования.

Предметом преступления являются сами охотничьи ресурсы, т. е. дикие животные, определенные Федеральным законом № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также птицы и звери, охота на которых полностью запрещена в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ).

Особенности квалификации деяния по ст. 258 УК РФ связаны с признаками объективной стороны данного состава преступления.

Объективная сторона преступления характеризуется следующими ключевыми элементами:

1. Незаконная охота как форма общественно опасного деяния включает в себя альтернативный комплекс противоправных действий:

- поиск диких животных;
- их выслеживание и преследование;
- непосредственная добыча;
- первичная переработка;
- транспортировка добытых животных.

2. Материальный состав преступления требует наличия общественно опасных последствий в виде причинения крупного или особо крупного ущерба:

- крупным ущербом признается сумма, превышающая 40 тыс. руб.;

- особо крупным считается ущерб свыше 120 тыс. руб.

Важно отметить, что исчисление размера ущерба производится по специальным таксам и методикам, утвержденным Правительством РФ. При этом для квалификации деяния по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ и ч. 2 данной статьи обязательным является установление факта причинения крупного или особо крупного ущерба.

Правовая конструкция данного состава преступления носит формально-материальный характер, что предполагает необходимость наличия как самого противоправного деяния, так и наступивших общественно опасных последствий в виде существенного ущерба животному миру, который определяется по специальной методике, исходя из специальных такс. Данные таксы и методики были утверждены постановлением Правительства РФ от 10 июня 2019 г. № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 УК РФ» [6]. Таксы закрепляют виды охотничьих ресурсов, а также стоимость за одну особь. Методика устанавливает формулу расчета ущерба (У) в рублях. Формула выглядит следующим образом:

$$U = H (T_i \times H_i),$$

где H – количество видов добытых охотничьих ресурсов, T_i – такса для исчисления ущерба, H_i – количество добытых особей.

Так, если подозреваемое лицо, незаконно осуществляющее охотничью деятельность, добудет рысь, то в соответствии с формулой ущерб будет следующим:

$$U = 1 (40\,000 \times 1) = 40\,000 \text{ руб.}$$

Однако привлечь лицо к уголовной ответственности нельзя, так как в примечании к ст. 258 УК РФ указано, что ущерб должен превышать сумму в 40 тыс. руб.

До введения данной формулировки возникло множество сложностей на практике. Так, И. Т., который в 2010 г. незаконно добыл сибирскую косулю, мировой суд признал виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ. То есть был признан крупный ущерб. В другом случае в 2011 г. при аналогичных обстоятельствах гр. А. О. за добычу косули был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.37 КоАП [10].

Возникает закономерный вопрос: может ли при квалификации действий лица учитываться иной вред, причиненный охотничьим ресурсам непосредственно данным преступлением (например, сокращение численности)? В соответствии с абз. 2 п. 9 постановления Пленума ВС РФ такой вред не может учитываться при ква-

лификации деяния. Следует предположить, что такая норма обозначена в связи с тем, что исчисление вреда относительно нематериальных природных ресурсов невозможно без значительной погрешности, которая недопустима при квалификации деяния.

Особенности квалификации незаконной охоты определяются конструкцией состава преступления.

Материальный состав преступления предусмотрен: 1) п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ; 2) ч. 2 ст. 258 УК РФ (причинение особо крупного ущерба).

Для признания преступления оконченным необходимо фактическое наступление общественно опасных последствий в виде крупного или особо крупного ущерба.

Квалифицированный состав по п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ характеризуется:

- использованием специальных средств совершения преступления;
- определенными способами осуществления незаконной охоты.

К специальным средствам совершения преступления относятся:

- механические транспортные средства с двигателем;
- воздушные суда.

Важно отметить, что для квалификации деяния необходимо:

- прямое использование транспортного средства при поиске животных;
- применение его для выслеживания или преследования;
- осуществление отстрела во время движения транспортного средства.

Исключением является простая транспортировка людей к месту охоты, которая не может рассматриваться как использование транспортного средства для совершения преступления.

Квалификация незаконной охоты требует комплексного подхода, учитывающего как материальный характер преступления, так и особенности его совершения.

Способ массового уничтожения птиц и зверей, предусмотренный п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ, характеризуется следующими признаками:

- применение таких орудий и средств добычи, которые способны вызвать массовую гибель животных;
- реальная возможность причинения значительного ущерба животному миру;
- использование запрещенных методов охоты.

Примеры подобных способов:

- выжигание растительности в местах обитания животных;
- использование взрывчатых веществ;

- применение отравляющих газов;

При квалификации таких деяний важно не только учитывать сам факт применения запрещенных орудий или способов, но и оценивать потенциальную опасность их использования для животного мира. В необходимых случаях для правильной оценки привлекаются специалисты или эксперты, способные определить реальную угрозу применяемых методов для популяции животных.

Таким образом, для правильной квалификации незаконной охоты необходимо всесторонне оценивать как последствия деяния, так и способы его совершения, учитывая их потенциальную опасность для окружающей среды.

Способами массового уничтожения животных могут признаваться все способы, которые не позволяют зверю скрыться от охотника.

Квалифицирующий признак по п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ связан с особым местом совершения преступления. Для его применения необходимо установить, что деяние совершено:

1. На особо охраняемой природной территории, которая характеризуется следующими признаками:

- является участком земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними;
- содержит природные комплексы и объекты;
- включает объекты растительного и животного мира;
- имеет особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение;
- изъята из хозяйственного использования;
- имеет установленный режим особой охраны.

2. В зоне экологического бедствия, которая может быть представлена:

- территорией или акваторией с экологической чрезвычайной ситуацией;
- участком с последствиями катастрофы;
- местом, где произошли необратимые изменения окружающей среды;
- территорией с существенным ухудшением здоровья населения;
- районом нарушения природного равновесия;
- местом разрушения естественных экологических систем.

3. В зоне чрезвычайной экологической ситуации, где в результате хозяйственной или иной деятельности:

- происходят устойчивые отрицательные изменения окружающей среды;
- создается угроза здоровью населения;

– нарушается состояние естественных экологических систем;

- ухудшается состояние генетических фондов растений и животных.

Важно отметить, что место совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны данного состава преступления. Это означает, что для квалификации деяния по данной статье необходимо документально подтвердить, что преступление совершено именно на указанных территориях или в особых экологических зонах.

Таким образом, правильная квалификация незаконной охоты по данному пункту требует тщательного установления территориального признака и подтверждения особого статуса места совершения преступления.

Выделим особенности состава преступления по ст. 258 УК РФ.

Формальный состав преступления предусмотрен п. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ. Такие преступления признаются оконченными с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на осуществление охоты.

Субъект преступления по ч. 1 ст. 258 УК РФ общий, обладает следующими признаками:

- вменяемость физического лица;
- достижение возраста 16 лет.

В ч. 2 ст. 258 УК РФ устанавливаются признаки специального субъекта преступления, которым является лицо, использующее свое служебное положение (например, работники природоохранительных или правоохранительных органов).

Важно отметить, что для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 258 УК РФ необходимо установить факт использования служебного положения при совершении незаконной охоты.

Таким образом, правильная квалификация незаконной охоты требует учета не только объективной стороны преступления, но и особенностей субъекта, совершившего данное деяние.

Субъективная сторона может выражаться в форме умысла – прямого или косвенного. Остальные признаки субъективной стороны для квалификации деяния значения не имеют.

Также ч. 2 ст. 258 УК РФ предусматривает ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В соответствии с абз. 2 п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 лица, которые непосредственно не участвовали в осуществлении незаконной охоты, но содействовали преступлению иными способами, признаются пособниками со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, однако при этом необходи-

мо, чтобы они знали о том, что охота является незаконной.

Разобрав теоретическую составляющую незаконной охоты, необходимо обратиться к вопросам, которые возникают на практике.

Анализируя судебную практику, можно отметить, что чаще всего к уголовной ответственности привлекают за применение в процессе совершения преступления механических транспортных средств, за причинение крупного ущерба и за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

Так, приговором Лазаревского районного суда г. Сочи № 1-449/2023 от 27 ноября 2023 г. был привлечен к ответственности гражданин, осуществивший охоту на особо охраняемой природной территории национального парка, группой лиц по предварительному сговору, с причинением особо крупного ущерба, а так как проникновение на территорию национального парка было совершено с использованием служебного положения, то действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 2 ст. 258 УК РФ. Ущерб, причиненный государству действиями обвиняемого, был оценен в 490 тыс. руб. за тушу одного добытого благородного оленя. Суд признал лицо виновным и приговорил его к штрафу в размере 500 тыс. руб. [11].

Доказать преступность деяния, а также виновность лица в деянии значительно сложнее, если, например, применяется загонная охота или используются транспортные средства.

В случае с загонной охотой сложность заключается в определении, кто и какие действия в процессе незаконной охоты совершал. Ярким примером является приговор Искитимского районного суда, где в части незаконной охоты все обвиняемые лица были оправданы в связи с отсутствием состава преступления, так как было невозможно установить, кто конкретно совершил преступление. В приговоре указано, что лица, осуществляя очередной загон, добыли самку сибирской косули, однако выстрелы производились тремя охотниками одновременно из гладкоствольных оружия, в связи с чем установить причастность конкретного лица к преступлению не удалось [12, с. 100].

Когда в процессе совершения преступления используется транспортное средство, проблемы квалификации возникают из-за сложности определения использования транспортного средства непосредственно для совершения преступления, так как чаще всего оно служит для доставки людей к месту совершения охоты.

Проблема правонарушений и преступлений в области охотничьей деятельности по сей день сохраняет свое значение. Это связано с тем, что появляются новые способы, средства, орудия совершения правонарушений и преступлений. Государством проводятся различные мероприятия и вводятся новые правила для сохранения охотничьих ресурсов, устранения причин и условий совершения противоправных действий.

Проблема квалификации незаконной охоты связана с размытой границей между административным правонарушением и уголовным преступлением.

Текущая ситуация характеризуется следующими особенностями:

- отсутствием четкого определения понятия «незаконная охота» в УК РФ;
- сложностью в разграничении административной и уголовной ответственности;
- необходимостью внесения изменений в диспозицию ст. 258 УК РФ.

Предлагаемые решения:

- закрепить понятие незаконной охоты в примечании к ст. 258 УК РФ;
- уточнить критерии разграничения между разными видами ответственности;
- устранить проблемные вопросы при толковании и правоприменении.

Практические сложности квалификации связаны:

- с оценкой осуществления охотничьей деятельности;
- разграничением нарушений правил охоты;
- определением степени общественной опасности деяния.

В заключение отметим, что необходимость реформирования уголовного законодательства обусловлена важностью защиты природно-ресурсного потенциала общества и потребностью в более четком законодательном регулировании данной сферы общественных отношений.

Список литературы

1. Об утверждении Правил охоты: приказ Минприроды РФ от 24 июля 2020 г. № 477 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
2. Правила охоты: приложение к приказу М-ва природных ресурсов и экологии РФ от 24 июля 2020 г. № 477 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
3. Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (в ред. 8 авг. 2024 г.) // Собр. законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195 [в ред. от 26 дек. 2024 г.] // Собр. законодательства РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Чудин Ю. Г. К вопросу об административной ответственности за нарушение законодательства об охоте // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 216–218.
6. Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 10 июня 2019 г. № 750 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 24. Ст. 3102.
7. Ревков В. С. Незаконная охота в РФ: понятие, проблемы разграничения уголовной и административной ответственности // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 380–388.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2024 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Каримова Ч. Р. Проблемы квалификации незаконной охоты // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 144–149.
10. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404783865/> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FWemwZwZvr6H/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+258.+Незаконная+охота%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1716719369448 (дата обращения: 12.01.2025).
12. Редникова Т. В. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за незаконную охоту // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 97–100.

Способы краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

© Бояркин А. И., 2025

А. И. Бояркин

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: boyarkin38@mail.ru

Научный руководитель:

Е. В. Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kev300579@yandex.ru

Аннотация. Анализируются точки зрения современных ученых-криминалистов о способах дистанционных хищений денежных средств, исследуются материалы уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории. Выявляются проблемы и выносятся предложения по совершенствованию отдельных положений криминалистики.

Ключевые слова: дистанционные мошенничества, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности [1], в Российской Федерации наблюдается рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Подавляющее большинство преступлений данной категории составляют хищения денежных средств. Так, в 2022 г. зарегистрировано 522 065 преступлений в данной сфере (раскрыто – 142 384), 113 565 из которых составляют кражи и 249 984 – мошенничества. В 2023 г. в сфере информационно-телекоммуникационных технологий совершено 676 951 преступлений (раскрыто – 172 290), из которых 119 212 составляют кражи и 353 201 – мошенничества.

Как видно из приведенной выше статистики, а также результатов различных исследований [2, с. 98], процент раскрываемости данного вида преступлений является низким и составил в 2021 г. 25,3 %, в 2022 г. – 27 %, в 2023 г. – 25 %, наблюдается негативная тенденция к снижению процента раскрываемости преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Научное сообщество считает, что «цена цифровой преступности будет все выше, поскольку ежегодно будут расти количественные и качественные показатели такой преступности» [3, с. 91].

Проблема дистанционных мошенничеств действительно является насущной, в связи с чем становится предметом рассмотрения органов государственной власти.

Так, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [4] установлена ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денеж-

ных средств (см. п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) [5], а также введен ряд специальных составов преступлений мошенничества. Внесение вышеуказанных изменений обусловлено тем, что преступники, совершающие хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, улучшают криминальные навыки, реализуя в своей деятельности не только современные технические и программные средства, но и методы социальной инженерии, представляющие собой определенные приемы, в результате применения которых потерпевший либо самостоятельно переводит свои денежные средства на счет преступников, либо передает им конфиденциальную информацию (например, персональные данные, данные платежных карт, контрольную информацию, пароли), необходимую для получения доступа к его счету.

Примечательно, что санкция п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, в то время как по ч. 2 ст. 159 УК РФ максимальное наказание предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет. Данная позиция законодателя, по-видимому, обусловлена тем, что получение преступником конфиденциальной информации, необходимой для доступа к счету потерпевшего, означает получение доступа ко всем денежным средствам, имеющимся на счете, в связи с чем повышается степень общественной опасности деяния, влекущая соответствующие правовые последствия. Последние заключаются в том, что в силу ч. 4 ст. 15 УК РФ данное преступление относится к категории тяжких, что в том числе исключает ряд оснований для освобождения от уголовной ответственности (например, за деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим).

Вышеизложенное обуславливает актуальность исследования криминалистической характеристики краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как основы раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Центральным элементом криминалистической характеристики в данном случае будет являться способ совершения преступления, поскольку от способа совершения конкретного преступления будет зависеть надлежащая квалификация деяния преступника по конкретной статье особенной части УК РФ, отграничение от смежных составов преступлений, своевременное привлечение преступника к уголовной ответственности, а также вынесение законного и обоснованного решения по уголовному делу.

В связи с этим для определения способа совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий стоит обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [6].

Так, согласно п. 17 указанного постановления в случаях, когда лицо похитило безличные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража.

Изложенные признаки разграничения составов кражи и мошенничества являются основополагающими и принципиальными для правильной квалификации «дистанционного мошенничества». В свою очередь, обман при совершении кражи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий является средством получения сведений о необходимых реквизитах с целью дальнейшего тайного хищения денежных средств со счетов граждан, а не способом совершения преступления как таковым при совершении мошенничества.

Изучение литературы показало, что в настоящее время научное сообщество выработало исчерпывающий перечень и классификацию способов дистанционных хищений денежных средств. В этой связи систематизация, анализ и выработка способов краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляют особый научный интерес, поскольку при исследовании

способов дистанционных хищений было установлено, что дифференциация указанных способов по ст. 158 и 159 УК РФ в настоящее время не производится и представляется учеными в совокупности в рамках исследования «дистанционных мошенничеств» как таковых. При этом исследование элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 158 и 159 УК РФ, по отдельности позволило бы учесть особенности каждого состава преступления и создать основу для совершенствования положений частной криминалистической методики раскрытия и расследования данных преступлений.

Изучение способов дистанционных хищений денежных средств позволило выявить проблему разграничения способа совершения дистанционного хищения и способа обмана, используемого преступниками при совершении дистанционного хищения. Данная проблема достаточно актуальна в настоящее время и обусловлена, как справедливо считают ученые [7, с. 63], масштабным уходом в онлайн многих сфер жизнедеятельности общества, что влечет совершенствование способов обмана, которые мошенники используют для хищения денежных средств.

Так, Д. В. Бахтеев [8, с. 24–25], М. О. Янгаева [9, с. 133] приводят виды социальной инженерии в качестве способов дистанционного мошенничества: «нигерийские письма», «фишинг», «фарминг», «претекстинг», «тройанский конь», «вымогатель», «кви про кво» (услуга за услугу), «вишинг», «дорожное яблоко», обратная социальная инженерия и др.

Аналогичной точки зрения придерживается С. М. Голятина [10, с. 46–47] и в качестве наиболее распространенных способов дистанционных хищений денежных средств граждан выделяет следующие:

- 1) предложение товаров и услуг по выгодным ценам – создание фейковых сайтов, внешне схожих с оригинальными, в виде интернет-магазинов с постоянными скидками и акциями;
- 2) «спаминг» – рассылка спама по различным каналам связи;
- 3) «фишинг» – письма, сообщения от имени различных электронных платежных систем о фейковом блокировании счета с указанием ссылки для его реактивации;
- 4) «кви про кво» – информирование о необходимости проведения профилактических работ на электронном устройстве (компьютере, сотовом телефоне) и дальнейшее предложение по установке программы удаленного доступа, посредством которой похищаются денежные средства или данные об учетных записях потерпевших;
- 5) хищения денежных средств с использованием вредоносного программного обеспечения.

В противовес мнению вышеуказанных ученых стоит выделить позицию Н. И. Старостенко, которая отмечает, что «...неприемлемо в полной мере считать методы социальной инженерии способами совершения преступления. ...при совершении хищений методы социальной инженерии выступают элементом способа совершения преступления в механизме преступной деятельности, их изучение позволяет познать единый комплекс действий преступника на этапе подготовки, непосредственного совершения и сокрытия хищения» [11, с. 30–31].

Действительно, обман, в том числе такой его вид, как социальная инженерия, при совершении краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий необходимо рассматривать как один из элементов способа совершения преступления, который представляет собой совокупность действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

Как было отмечено, разделение способов дистанционных хищений по ст. 158 и 159 УК РФ не производится, способы совершения данных преступлений представляются учеными в совокупности. Следует остановиться на данных способах подробнее, проанализировав ряд современных точек зрения.

Так, Т. В. Попова и А. В. Котязов [12, с. 111], рассматривая тему выявления и раскрытия хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан, выделяют в том числе следующие способы:

- 1) хищения, связанные с телефонными вызовами и побуждениями сделать переводы с банковских карт или сообщить их реквизиты;
- 2) хищения с банковских счетов, сопряженные с использованием считывающих устройств с целью последующего изготовления поддельных пластиковых карт и снятия денежных средств.

Стоит отметить, что первый способ включает себя как составы преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ (в части сообщения реквизитов банковских счетов) и ст. 159 УК РФ (в части совершения переводов денежных средств), т. е. также авторами приводится не дифференцированно. Второй способ, предложенный учеными, по результатам изучения уголовных дел, возбужденных территориальными органами предварительного следствия на районном уровне ГУ МВД России по Иркутской области, по факту хищений денежных средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является неактуальным для Иркутской области, поскольку за период с 2020 г. по настоящее время не встречался ни в одном уголовном деле.

Рассмотрим еще одну классификацию. А. Г. Саакян, изучая особенности расследования

краж и мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий, приводит несколько основных групп дистанционных хищений денежных средств [13, с. 5], среди которых выделены в том числе:

- 1) мошенничества, в ходе которых потерпевший, будучи введенным в заблуждение, передает денежные средства преступнику (покупки в интернет-магазинах, онлайн-казино и др.);
- 2) схема «теневых работодателей», которая заключается в том, что потерпевший по результатам выполнения работы в сети Интернет не получает обещанное вознаграждение.

Стоит отметить, что вышеуказанные способы совершения преступлений не имеют отношения к таким разновидностям хищений, при которых потерпевшие под влиянием обмана сами предоставляют преступникам сведения о реквизитах своих банковских счетов, необходимых для хищения денежных средств. При этом второй способ вызывает объективные сомнения при выделении его в качестве одного из видов дистанционных хищений денежных средств, поскольку неполучение обещанного вознаграждения может вовсе не регулироваться нормами уголовного закона, а являться предметом гражданско-правовых отношений. В этой связи выделять данный способ в качестве дистанционной формы хищения нецелесообразно.

В свою очередь, А. И. Гайдин, В. А. Мещеряков, О. А. Никулина, Е. А. Пидусов [14, с. 8–9], исследуя тактику производства следственных действий при расследовании мошенничеств с использованием мобильных средств сотовой связи, выделяют ряд способов обмана (рассылка сообщений или звонки с просьбой о помощи; звонки от имени известных СМИ с сообщением о выигрыше ценного приза; СМС-сообщения с просьбой оказать помощь больным детям и бездомным животным; рассылка СМС-сообщений об ошибочном переводе денежных средств и просьбой возврата денег; отыгрыш роли лица, якобы нашедшего пропавшие документы, и последующее вымогательство им вознаграждения), а также такой способ, как хищение денежных средств посредством получения доступа к мобильному банку через утерянный сотовый телефон либо хищение денежных средств посредством получения сим-карты, ранее использовавшейся другими лицами, которые не отключили ее от услуг дистанционного банковского обслуживания. Представляется, что отнесение последнего способа к способам мошенничества также является некорректным, поскольку в данном случае содеянное в зависимости от конкретных обстоятельств дела должно квалифицироваться как кража, а не мошенничество.

При этом стоит отметить, что все вышеуказанные ученые выделяют в качестве самостоятельного способа хищение денежных средств с помощью вирусных программ. Считаем, что в данном случае наиболее удачно учтены все элементы способа совершения преступления, среди которых особенно выделяется этап подготовки к совершению преступления – создание вредоносной компьютерной программы.

Таким образом, по результатам анализа современных точек зрения ученых представляется возможным вывести и охарактеризовать следующие способы совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с приведением примеров из следственной практики.

I способ. Кражи, связанные с телефонными вызовами, а также побуждениями сообщить реквизиты банковских карт под различными предлогами.

Схема 1. Преступники осуществляют поиск объявлений в сети Интернет о намерении граждан совершить сделки, после чего посредством информационно-телекоммуникационных технологий связываются с потерпевшими и под видом покупателя, под предлогом перевода на банковский счет потерпевшего-продавца «заложенных» денежных средств получают информацию от последнего о реквизитах его банковской карты, а именно: номер банковской карты, код безопасности и срок действия.

Схема 2. Преступники под различными предлогами (например, представляясь работниками банков) в ходе «классического» телефонного разговора путем обмана вынуждают потерпевших сообщить реквизиты их банковских карт (номер банковской карты, код безопасности и срок действия) с целью последующих хищений денежных средств.

Схема 3. Преступник направляет потерпевшему СМС-сообщение о том, что его карта заблокирована, и отправляет номер телефона «службы безопасности». Потерпевший звонит преступнику, который представляется сотрудником службы безопасности и под предлогом оказания помощи в разблокировании банковской карты получает от потерпевшего номер его банковской карты либо иные реквизиты, необходимые для хищения денежных средств с банковского счета. Затем преступник входит в мобильное приложение банка, вводит номер банковской карты потерпевшего, в результате чего на абонентский номер потерпевшего направляется СМС-сообщение с паролем подтверждения совершения операций с банковской картой, который преступник просит сообщить ему. Ис-

пользуя пароль, он похищает денежные средства с банковской карты потерпевшего.

Схема 4. Преступники создают в сети Интернет фейковый сайт, внешне неотличимый от официального сайта действующего магазина, потерпевший переходит на него и вводит свои персональные данные, тем самым предоставляя преступникам часть информации, необходимой для хищения денежных средств с его банковского счета. Для оплаты товаров такой интернет-ресурс запрашивает номер карты, срок ее действия, а также код безопасности, который потерпевший предоставляет преступнику. Преступник использует полученные сведения для дальнейшего хищения денежных средств потерпевшего.

Приведем пример одной из схем рассматриваемого способа кражи из следственной практики.

В производстве СО-2 СУ МУ МВД России «Иркутское» находилось уголовное дело № 12301250030000414, возбужденное 5 июня 2023 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что 3 июня 2023 г. потерпевший разместил объявление на интернет-сайте «Авито» о сдаче в аренду квартиры, для связи указал свой абонентский номер. В тот же день потерпевшему поступил звонок с ранее неизвестного ему абонентского номера. Звонила женщина, которая представилась Татьяной. Татьяна пояснила, что является сотрудником Министерства обороны РФ, хочет арендовать квартиру и для получения ежемесячной арендной платы потерпевшему необходимо назвать номер его банковской карты и СМС-коды, которые будут приходить ему на сотовый телефон, что потерпевший и сделал, в результате чего с его банковского счета ПАО «ВТБ» были похищены денежные средства в сумме 10 500 руб. [15].

II способ. Кражи, сопряженные с осуществлением неправомерного доступа к реквизитам банковского счета, путем использования вредоносных компьютерных программ, приложений удаленного доступа.

Можно отметить, что данный способ кражи включает в себя преступную деятельность подготовленных специалистов и их пособников – поставщиков услуг по приобретению вредоносных вирусных программ и их разработчиков. Для получения скрытого доступа к электронным средствам платежа, перехвата и копирования необходимой для совершения перевода денежных средств информации, а затем и совершения самих несанкционированных переводов со счетов потерпевших преступниками используются вредоносные компьютерные программы, которые позволяют в том числе самостоятельно при наличии возможности осуществлять несанкцио-

нированный перевод денежных средств и удалять следы несанкционированного использования электронных средств платежа, а также следы собственной работы.

В данном случае любые телефонные разговоры либо переписка между потерпевшим и преступником исключены (кроме случаев, когда под влиянием обмана потерпевший устанавливает приложение удаленного доступа), что затрудняет сбор доказательств и предполагает использование специальных познаний для установления следов преступной деятельности в электронном устройстве потерпевшего.

Данный способ краж встречается реже первого вышеуказанного, что обусловлено наиболее тщательной, интеллектуально и ресурсозатратной деятельностью по подготовке к совершению преступления.

Отметим, что для обоих рассматриваемых способов краж в целом характерен групповой и неочевидный характер их совершения.

Приведем пример второго способа кражи из следственной практики.

В производстве СО-2 СУ МУ МВД России «Иркутское» находилось уголовное дело № 12301250030000659, возбужденное 4 сентября 2023 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что 2 сентября 2023 г. потерпевшему в мессенджере «Ватсап» поступали звонки от неизвестных лиц с ранее неизвестных ему абонентских номеров. Неизвестное лицо представилось сотрудником Центрального банка РФ и пояснило, что по счету потерпевшего происходят подозрительные операции, в связи с чем необходимо перевести имеющиеся на его банковском счете денежные средства на безопасный счет. Потерпевший поверил мошеннику и по его указанию установил на свой планшет приложение удаленного доступа RustDesk, через которое мошенники тайно похитили с банковского счета ПАО «Сбербанк» потерпевшего принадлежащие последнему денежные средства в сумме 375 тыс. рублей на неустановленный номер счета «Озон Банк» [16].

III способ. Кражи, сопряженные с осуществлением неправомерного доступа к реквизитам банковского счета, путем несанкционированного доступа к источнику, содержащему указанные сведения.

При данном способе преступники, взломав личный кабинет пользователя на сайте мобильного оператора, используют предоставляемую услугу переадресации СМС-сообщений и перенаправляют к себе на номер информацию, получаемую клиентом от банка. Указанная информация позволяет получить доступ к личному кабинету интернет-банка и осуществить незаконный денежный перевод со счета потерпевшего.

Кроме того, при краже либо утере телефона или сим-карты, к которой была привязана банковская карта, преступники способны также с легкостью получить доступ к интернет-банку и осуществить перевод денежных средств на подконтрольный им банковский счет.

Особенность совершения краж данной категории заключается в том, что преступники похищают денежные средства потерпевших без стандартного «телефонного разговора» и взаимодействуют с потерпевшим опосредованно, что затрудняет сбор доказательств, поскольку отсутствуют звонки и переписка потерпевшего и преступника. Данный способ совершения преступления встречается реже всего, поскольку, по сравнению с вышеперечисленными «стандартными» способами, утеря телефона или сим-карты носит случайный характер и является обстоятельством, способствующим совершению преступления. В случае если потерпевший не потерял бы телефон или сим-карту, то совершение преступления указанным способом являлось бы невозможным.

Приведем пример рассматриваемого способа кражи из следственной практики.

В производстве СО-2 СУ МУ МВД России «Братское» находилось уголовное дело № 12101250044000088, возбужденное 24 февраля 2021 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что 12 августа 2020 г. потерпевший обратился в отделение ПАО «ВымпелКом», где сотрудниками отделения ему было предложено оформить кредитную карту АО «Альфа-Банк», на что потерпевший согласился. При получении кредитной карты потерпевший активировал карту и придумал пин-код, который ввел в терминале. 18 сентября 2020 г. потерпевший получил пенсию и поехал в вышеуказанное отделение ПАО «ВымпелКом», чтобы перечислить на кредитную карту АО «Альфа-Банк» денежные средства в размере 1 тыс. рублей, которые он снял ранее. В данном отделении он обнаружил, что сотрудники, которые оформляли ему кредитную карту, уже не работают. 18 октября 2020 г. потерпевшему позвонили действующие сотрудники АО «Альфа-Банк» и пояснили, что необходимо заплатить проценты по кредитной карте. Ознакомившись с выпиской, потерпевший обнаружил, что с его кредитной карты были обналичены денежные средства на общую сумму 60 тыс. рублей. Данные операции он не совершал, банковскую карту никому не передавал, звонки от мошенников ему не поступали [17].

Таким образом, в ходе исследования способов совершения краж в сфере информационно-телекоммуникационных технологий установле-

но, что в науке существует проблема разграничения способа совершения дистанционного хищения и способа обмана, используемого преступниками при совершении дистанционного хищения. Решение данной проблемы заключается в том, что обман при совершении краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий необходимо рассматривать как один из элементов способа кражи, который представляет собой совокупность действий преступника по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления.

Помимо изложенного, выявлена проблема отсутствия дифференциации способов дистанционных хищений применительно к ст. 158 и 159 УК РФ, что позволило на основе существующих научных разработок, легального определения способа кражи с банковского счета, банковской карты и изученных материалов уголовных дел выделить следующие способы краж, совер-

шенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

I. Кражи, связанные с телефонными вызовами, а также побуждениями сообщить реквизиты банковских карт под различными предложениями.

II. Кражи, сопряженные с осуществлением неправомерного доступа к реквизитам банковского счета, путем использования вредоносных компьютерных программ, приложений удаленного доступа.

III. Кражи, сопряженные с осуществлением неправомерного доступа к реквизитам банковского счета, путем несанкционированного доступа к источнику, содержащему указанные сведения.

Представляется, что предложения по решению выявленных в ходе исследования проблем будут способствовать совершенствованию отдельных научных положений криминалистики и, как следствие, повышению эффективности раскрытия и расследования дистанционных хищений денежных средств.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г., 2023 г. // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 27.11.2024).
2. Кузнецов Е. В., Ступницкий А. Е. Обзор результатов прокурорского надзора за эффективностью оперативно-разыскной деятельности по раскрытию преступлений, зарегистрированных на территории Иркутской области // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: 300 лет на страже российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. В. Горбач. Иркутск, 2021. С. 97–101.
3. Сидорова Е. З., Усов Е. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 1) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2(105). С. 89–93.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 23 апр. 2018 г. № 111-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ. // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48. // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Петрякова Л. А. Социально-правовая и информационно-технологическая обусловленность криминализации и проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3(102). С. 63–69.
8. Бахтеев Д. В. О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3(93). С. 24–26.
9. Янгаева М. О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42). С. 133–138.
10. Голятина С. М. Методика расследования хищений электронных денежных средств : 12.00.12 : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 196 с.
11. Старостенко Н. И. Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий : 5.1.4 : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 230 с.
12. Попова Т. В., Котязов А. В. Способы и преступные схемы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан // Академическая мысль. 2018. № 2(3). С. 110–117.
13. Саакян А. Г. Особенности расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий : учеб.-практ. пособие. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2019. 66 с.
14. Особенности тактики производства следственных действий при расследовании мошенничеств с использованием мобильных средств сотовой связи : метод. рекомендации / А. И. Гайдин, В. А. Мещеряков, О. А. Никулина, Е. А. Пидусов. Воронеж : Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2017. 56 с.
15. Материалы уголовного дела № 12301250030000414, возбужденного 5 июня 2023 г. СО-2 СУ МУ МВД России «Иркутское» по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Личный архив автора статьи.
16. Материалы уголовного дела № 12301250030000659, возбужденного 4 сентября 2023 г. СО-2 СУ МУ МВД России «Иркутское» по признакам преступления, предусмотренного пп. «в, г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Личный архив автора статьи.
17. Материалы уголовного дела № 12101250044000088, возбужденного 24 февраля 2021 г. СО-2 СУ МУ МВД России «Братское» по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Личный архив автора статьи.

Этическая хартия Совета Европы как основной источник имплементации принципов использования искусственного интеллекта в судопроизводстве Российской Федерации

© Жук У. В., 2025

У. В. Жук

Магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: uln-zhk2747@mail.ru

Научный руководитель:

Е. А. Таюрская, заведующий кафедрой судебного права, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tayurskaya@bk.ru

Аннотация. Анализируются положения Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Автор уделяет внимание исследованию принципов, закрепленных в упомянутом наднациональном акте, раскрытию их смысла, соотношению с принципами, на которых базируется российская система судопроизводства. Делаются выводы о необходимости/возможности их имплементации в положения процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, принципы, судебная система, судопроизводство, Европейская этическая хартия.

Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (далее – Хартия) – это наднациональный правовой акт, принятый Европейской комиссией по эффективности правосудия (далее – ЕКЭП) в конце 2018 г. в Страсбурге [1]. При подготовке Хартии многопрофильными специалистами из Франции, Великобритании, Италии и иных стран, входящих в ЕКЭП, были проведены углубленные правовые исследования в области использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных видах судопроизводств, а также по вопросам применения технологий ИИ в судебных системах национальных юрисдикций [2]. Данные исследования были направлены на унификацию подходов к внедрению, использованию и развитию технологий ИИ в системе правосудия; выведению единых основополагающих начал, на которых будет основываться применение ИИ в судебных системах; а также на создание базовых положений, закрепляющих права и свободы человека, как участника судопроизводства, в рамках которого может использоваться ИИ.

Несмотря на выход Российской Федерации из Совета Европы в 2022 г. в связи с обостряющейся геополитической обстановкой на мировой арене, в контексте настоящего исследования автор предлагает рассматривать возможность имплементации принципов, закрепленных в Хартии, через призму ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [3], которая провозглашает примат международных норм, не противоречащих публичному порядку Российской Федерации, над нормами

национальными. Помимо всего прочего, немаловажно сделать акцент на том, что Российская Федерация более 25 лет являлась полноправным государством – участником Совета Европы, на которого распространялись наднациональные источники права, принимаемые различными структурными подразделениями Совета Европы (в частности, Хартия, учрежденная ЕКЭП).

Признавая растущее применение технологий ИИ во многих сферах жизнедеятельности общества, а также объективные ожидаемые преимущества его использования в области повышения качества правосудия, полагаем, что вполне логично было бы адаптировать уже имеющиеся базовые основополагающие начала, закрепленные в Хартии, под особенности видов судопроизводств в Российской Федерации, нежели оставлять легальный пробел в процессуальном законодательстве. Кроме того, лейтмотивом данного исследования является идея дополнить существующие принципы ведения различных видов судопроизводств новыми правовыми положениями, непосредственно касающимися использования технологий ИИ при осуществлении правосудия. Таким образом, считаем целесообразным начать исследование принципов, закрепленных в Хартии.

1. Principle of respect for fundamental rights (принцип соблюдения основополагающих прав): по смыслу Хартии данный принцип означает, что обеспечение внедрения инструментов и услуг, основанных на технологиях ИИ, должно соответствовать основным и процессуальным правам и свободам человека, закрепленным как в международных актах (Конвенция о защите

прав и свобод человека, Конвенция о защите персональных данных, Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса, Кишиневская конвенция и т. д.), так и в национальных (Конституция РФ, федеральное законодательство, в том числе и процессуальные кодексы).

Говоря об использовании ИИ в сфере отправления правосудия, данный принцип можно раскрыть с точки зрения его соответствия основополагающим положениям, на которых строится российское судопроизводство, а именно:

а) право на доступ к суду: возможность внедрения ИИ в качестве регулятора споров, обладающего большим объемом проанализированной судебной практики и знаний, на основе которых он был бы способен заменить судью (по определенным категориям дел), не должна лишать участника процесса права в последующем обратиться в суд для повторного рассмотрения тождественного дела реальным судьей;

б) равенство сторон: использование технологий ИИ на той или иной стадии судопроизводства не должно приводить к дисбалансу прав между сторонами дела. Каждая сторона процесса должна обладать равными правами на использование возможностей ИИ. Раскрывая данный аспект, необходимо отметить, что любой участник судопроизводства должен иметь действительную возможность обратиться за технической консультацией/помощью соответствующего профиля, так как для некоторых категорий населения, не обладающих «цифровой грамотностью», применение технологий ИИ на любой стадии судопроизводства, с нашей точки зрения, обязательно создаст определенный перечень проблем, ограничивающих непосредственный доступ к правосудию;

в) беспристрастность и независимость судей: практика использования ИИ как инструмента так называемого предсказанного правосудия не должна противоречить внутреннему убеждению судьи, основанному на законе, а также на полном, объективном и непосредственном исследовании обстоятельств дела [4]. Это означает, что применение ИИ для формирования вариантов разрешения дела, прогнозирования исхода событий и вынесения проекта готового судебного решения не должно оказывать косвенного или прямого давления на судей, не должно способствовать их «обезличиванию» при вынесении итогового судебного решения. Кроме того, каждый сформированный и вынесенный ИИ проект судебного решения должен проверяться реальным судьей на соответствие всем признакам судебного решения, предусмотренным законом, без опоры на глубокое машинное обучение, на котором строится работа большинства технологий ИИ;

г) право на получение квалифицированной юридической помощи [5]: введение и эксплуатация генеративного ИИ, используемого, например, для дачи пользователям юридической консультации по различному спектру правовых вопросов или для предоставления участникам процесса обоснованных заключений посредством теоретической, эмпирической и систематической оценок шансов на успех определенного дела, не должны быть тождественны профессиональной юридической консультации, которую может дать только человек, обладающий специальными знаниями в области юриспруденции. Помимо всего прочего, построение линии защиты, выработка стратегии ведения процесса, выведение перечня необходимых доказательств по конкретному делу, а также иные вопросы процессуального характера, на которые ИИ может дать развернутый ответ, должны трактоваться исключительно как опциональная функция для представителя при ведении его профессиональной деятельности, которая по своей правовой природе направлена на минимизацию риска того, что лица, нуждающиеся в профессиональной юридической помощи, в конечном счете могут быть ее лишены.

2. Principle of non-discrimination (принцип недискриминации): в трактовке Хартии этот принцип означает предупреждение (средством определенных методов и средств) развития или усиления любой дискриминации между отдельными лицами или группами лиц. Углубляясь в тонкости алгоритмического машинного обучения, на котором построено функционирование ИИ, полагаем небезосновательным утверждение о том, что «алгоритм сам по себе не способен ни на что иное, как позволить нам – в лучшем случае – понять часть замысла его создателя» [6, с. 52].

Ключевая мысль приведенной цитаты сводится к тому, что разработчик программного кода для ИИ и/или лицо, его обучающее, так или иначе (сознательно, но чаще всего непреднамеренно) переносит на алгоритм собственную систему ценностей и мировосприятия, создавая как минимум возможность того, что при обработке какой-либо информации об участниках судопроизводства (человеке или группе лиц) может возникнуть факт дискриминации по совершенно различным признакам (из-за расового или этнического происхождения; социально-экономического положения; политических, философских, религиозных и иных убеждений; возраста, внешности, пола, профессии, генетических и биометрических данных; и т. д.).

С нашей точки зрения, комментируемый принцип должен быть направлен на установле-

ние и узаконивание надлежащей обработки конфиденциальной информации, непосредственно касающейся конкретного дела, и персональных данных лиц – участников процесса. Под «надлежащей обработкой» в контексте рассматриваемого принципа следует понимать способность ИИ к этичному анализу данных, которая должна быть заложена специалистами на этапе разработки и обучения потенциально применимой технологии ИИ и реализована на этапе ее предметного использования на практике.

На основе вышеизложенного вполне логичным видится умозаключение о том, что специалисты, занимающиеся разработкой и обучением ИИ, должны обладать высоким уровнем непредвзятости, широким кругозором и гибким мышлением для того, чтобы алгоритм, заложенный в основу технологии ИИ, мог максимально снизить любое проявление дискриминации. Таким образом, можно сделать вывод, что при разработке и обучении ИИ должны привлекаться профильные специалисты из различных областей юриспруденции и иных смежных с ней наук, имеющие отличные друг от друга практический опыт, теоретическую базу и образ мышления.

3. Principle of quality and security (принцип качества и безопасности): концептуальное значение данного принципа заключается в том, что при разработке и обучении ИИ необходимо опираться исключительно на сертифицированные источники информации и проверенные данные, которые в последующем закладываются в алгоритмы ИИ, используя при этом междисциплинарную модель привлечения специалистов, работая в безопасной «технологической среде». Это можно толковать следующим образом.

Качественные и безопасно разработанные технологии ИИ могут обладать практической полезностью на многих стадиях различных видов судопроизводства: например, применяться на этапе возбуждения уголовного дела, при проведении следственных действий, при профилактике преступлений; для облегчения работы секретарей судебных заседаний; для формирования и вынесения проектов судебных решений; для большого и систематического анализа судебной практики и т. д. Поэтому вполне справедливым будет утверждение о том, что разработчики моделей машинного обучения должны иметь возможность собирать широкий опыт соответствующих специалистов системы правосудия (судей, прокуроров, адвокатов, представителей, секретарей, криминалистов), а также исследователей/преподавателей в области права и социальных наук (экономистов, социологов, философов).

При таком междисциплинарном подходе эксперты смогут обмениваться с разработчиками

ИИ (а также друг с другом) соответствующими узконаправленными знаниями; корректировать неточности; делиться практическим опытом и теоретическими наработками; отслеживать этичность обучения ИИ в своей сфере, а также отслеживать актуальность, достоверность, полноту и релевантность данных и источников информации, на которых ИИ будет обучаться; пресекать любые попытки возникновения дискриминации; и давать реальные рекомендации и заключения по улучшению и систематизации алгоритмов, на которых строится работа ИИ. Думается, что подобный подход позволит как минимум сформировать и аккумулировать целостное представление об устойчивой системе использования технологий ИИ в судопроизводствах.

4. Principle of transparency, impartiality and fairness (принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности): в контексте толкования Хартии данное положение подразумевает доступность и понятность для любого участника судопроизводства методов разработки и обучения технологиям ИИ, которые могут применяться в течение срока ведения судопроизводства; обоснованность и безопасность способов обработки конфиденциальных и персональных данных; целесообразность и необходимость использования ИИ на определенной стадии процесса; а также установление контроля за потенциалом ИИ и возможность предупреждения его неправомерного использования по отношению к участникам процесса и суду.

Сказанное выше означает, что каждому участвующему лицу должно быть понятно, для каких целей и почему в рассматриваемом деле могут применяться технологии ИИ, каким образом это может облегчить/ускорить ведение судопроизводства, как может повлиять на их права и обязанности. Любой стороне, представителю или уполномоченному лицу, находящемуся в процессе, должны быть разъяснены методы и способы, на которых разрабатывался и обучался ИИ (включая методы и способы того, каким образом будет обработана любая персональная информация в отношении участника), а также разъяснено право на мотивированный отказ от использования ИИ по отношению к конкретному лицу (если такое использование прямо не будет предусмотрено законом). Помимо всего прочего, для надлежащей реализации данного принципа вполне логичным было бы закрепить обязанность разработчиков обеспечивать полную техническую прозрачность, заключающуюся в обязательной открытости для общества и СМИ информации о разработке программного кода и методов обучения ИИ, с которыми могли бы ознакомиться все участники судопроизводства и представители судебной системы.

Кроме того, важнейшей составляющей комментируемого принципа является установление фактической возможности контроля использования технологий ИИ за их соответствием основным процессуальным правам участников судопроизводства. Причем данный контроль может осуществляться с привлечением как компетентных специалистов судебной системы, так и внешнего аудитора, обеспечивающего полную беспристрастность при анализе правомерности использования технологий ИИ в рассмотрении дела.

5. Principle “under user control” (принцип «контроля пользователем»): последний комментируемый принцип, который включает в себя Хартия, напрямую коррелируется с особенностями вышеназванного принципа и заключается в необходимости отойти от предписывающего подхода и позволить «пользователю» (участнику судопроизводства) выступать в роли проинформированного лица, ответственного за свой выбор. Основная мысль этого принципа состоит в том, что использование технологий ИИ не должно ограничивать автономию участников судопроизводства с какой бы то ни было точки зрения, всегда оставляя за реальным субъектом процесса право выбора.

Необходимо отметить, что любой участник судопроизводства должен быть надлежащим образом проинформирован и уведомлен о любом предполагаемом обращении к возможностям ИИ до (например, на предварительном судебном заседании) или во время рассмотрения дела, с оговоркой насчет того, что по тем или иным причинам он может иметь право дать мотивированный отказ на использование технологий ИИ при ведении конкретного судопроизводства, настояв на том, чтобы его дело рассматривалось судом по смыслу ст. 6 Конвенции по защите прав человека [7], а также по смыслу статей процессуального законодательства, которые закрепляют принцип непосредственности судебного разбирательства при осуществлении правосудия.

Также считаем необходимым отметить, что в случаях, когда ИИ может быть использован в качестве инструмента «предсказанного правосудия», любая сторона по делу, в отношении которой может быть вынесено итоговое судебное решение, должна быть проинформирована ясным и понятным языком о таком способе рассмотрения дела, о функциональной роли судьи как субъекта, контролирующего полноту, законность и обоснованность проекта судебного решения, вынесенного ИИ, а также о последующей обязательности исполнения такого решения после истечения срока обжалования.

Завершая раскрытие данного принципа, хотелось бы акцентировать внимание на целесооб-

разности обучения представителей судебной системы тонкостям использования технологий ИИ на определенной стадии процесса и на необходимости обеспечения судов, правоохранительных органов, адвокатских палат (иных учреждений, так или иначе осуществляющих любую деятельность в рамках ведения судопроизводства) компетентными специалистами, обладающими профессиональными умениями и навыками в сфере IT-технологий, которые следили бы за надлежащей работой различных механизмов и инструментов, основанных на ИИ и используемых в рамках рассмотрения дела на любой стадии. Данная мера, с нашей точки зрения, смогла бы помочь быстрее и качественнее внедрить использование ИИ в судопроизводство, а также адаптировать всех его участников к новым цифровым реалиям, стремительно развивающимся в постиндустриальном обществе.

Анализируя вопрос соотношения рассмотренных принципов, зафиксированных в Хартии, с принципами, которые закреплены в процессуальных кодексах РФ, автор пришел к следующему заключению. Все пять принципов, устанавливающих возможность полноценного, грамотного и надлежащего использования ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях, являются не чем иным, как более узконаправленной разновидностью общепринятых базовых положений, на которых строятся и ведутся российские судебные процессы. Каждая основа, закрепленная в Хартии, в той или иной степени является специфической составляющей большинства принципов судопроизводства Российской Федерации, в очередной раз подчеркивая их необходимость и важность при реализации прав и свобод всех участников дела.

Так, например, в принципе соблюдения основополагающих прав объективно видны проявления принципа доступности правосудия и равноправия сторон. В принципе недискриминации – принципа состязательности и равенства всех перед законом и судом, в принципе качества и безопасности, а также в принципе прозрачности, беспристрастности и достоверности – принципа независимости судей, гласности и открытости, а в принципе «контроля пользователем» – принципа законности. С точки зрения автора, принципы Хартии не противоречат (и тем более не отменяют), а определенным образом дополняют и раскрывают привычные для всех юристов принципы ведения и построения процесса с оговоркой о том, что их применение необходимо в тех случаях, когда в процессуальных правоотношениях появляется потребность в использовании возможностей ИИ.

Таким образом, завершая исследование принципов Хартии и их очевидного правового соотношения и взаимосвязи с принципами российского судопроизводства, мы приходим к следующему выводу: Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях является вполне релевантным и подходящим источником имплементации принципов использования искусственного интеллекта в судопроизводстве Российской Федерации.

Наблюдая растущее превосходство ИИ над физическими возможностями и умственными способностями человека, а также учитывая его «диффузию» во все сферы жизнедеятельности социума, набирающую обороты, представителям системы правосудия необходимо быть гото-

выми к повсеместному использованию технологий ИИ, а также знать особенности работы с ИИ конкретно в их профессиональной деятельности.

Принципы же являются тем, с чего всегда необходимо начинать вести надлежащим образом какую-либо деятельность, поэтому автор исследования твердо убежден в том, что адаптированная имплементация основополагающих положений использования ИИ в судопроизводстве, в очередной раз закрепляющих и поддерживающих демократические принципы, верховенство права, а также беспристрастность и независимость судов, – это прямой путь к основе прочного и стабильного правосудия, соответствующего современности и тенденциям развития текущей инновационной реальности.

Список литературы

1. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 дек. 2018 г.). URL: <https://rm.coe.int/rug-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 12.02.2025).
2. Гурбанов Р. А. оглы. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-hartiya-ob-eticheskikh-printsipah-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnyh-sistemah-tsennostnye-orientiry> (дата обращения: 12.02.2025).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосов. 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 2020. 4 июля.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2024, с изм. от 16 янв. 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ (в ред. от 25 дек. 2023 г.) // Рос. газ. 2011. 23 нояб.
6. Кабацкая Е. А. Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. № 10. С. 51–55.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Проблема разграничения порочащих сведений и форм реализации свободы мысли и слова в отечественной цивилистической доктрине и российской правоприменительной практике

© Мещеряков А. Л., 2025

А. Л. Мещеряков

Студент 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: aleksandr.leon.mesheryakov@list.ru

Научный руководитель:

А. А. Батурина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ur_alena@mail.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема выработки и нормативного закрепления универсального механизма разграничения сведений, порочащих честь, достоинство, доброе имя и деловую репутацию, и субъективных мнений, суждений, убеждений, концепций как неотъемлемой формы реализации свободы мысли и слова в России.

Ключевые слова: порочащие сведения, свобода слова, диффамация, репутационные блага.

В современной отечественной судебной практике нередко случаи отказов в удовлетворении исковых требований в делах о защите чести, достоинства и доброго имени на основании непризнания информации, которую распространяет истец, порочащей ответчика. В частности, в российской цивилистической доктрине и правоприменительной практике проявления вербального выражения мыслей идентифицируют зачастую не как объективные сведения, а как субъективные взгляды, «оценки» [1, с. 30], «суждения» [2, с. 130], убеждения, прогнозы, «концепции» [3, с. 223], «характеристики» [4, с. 192], «мнения» [5, с. 55]. Так, проявления свободомыслия, согласно позициям ряда судов и исследователей, априори порочить никого не могут, так как не обладают признаками сведений в полном смысле слова, являясь продуктом внутренней, субъективной психической деятельности лица, которая существует и развивается автономно от внешнего мира, проявляется «в особом измерении, создаваемом человеческой психикой, коллективным сознательным и бессознательным» [6, с. 131].

В частности, например, Белогорский районный суд признал «выражающими субъективное мнение» ответчика сведения о том, что истец «нормы санитарной и личной гигиены соблюдает слабо», «по характеру лживый, мстительный, наглый», его «уровень интеллектуального, культурного развития средний» [7]. Тем самым правоприменитель фактически отказал истцу в судебной защите витальных репутационных благ. Конечно, указанные сведения распространил начальник исправительного учреждения в отношении лица, отбывающего наказание. Однако Конституционный Суд РФ определил право на

защиту чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации как «неотъемлемое» [8]. Более того, в Российской Федерации все равны перед законом и судом и не допускается ограничение гражданской правоспособности путем фактического лишения истца права на защиту чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации. Вместе с тем Белогорский районный суд в обозреваемом казусе, думается, не учел значение права каждого на защиту чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации в отечественной правовой системе.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на еще один пример из актуальной судебной практики по вопросу разграничения «объективной» и «субъективной» информации. В частности, суды трех инстанций не признали порочащими истца такие высказывания, как «наговори-те вагон и маленькую тележку», «вообще их позиция, как террористы какие-то, кто-то беспилотники запускает, а кто-то терроризирует учреждения» [9]. Фабула данного дела следующая: истица М., заботящаяся об отце-инвалиде, обратилась к главному врачу одного из муниципальных медицинских учреждений Ю. К. с просьбой выдать ее отцу-инвалиду кислородный концентратор, но в ответ вместо необходимого медицинского изделия получила лишь публично высказанное в свой адрес определение «террористка». Однако для поддержания жизнеобеспечения отца-инвалида кислородный концентратор был «критически важен» [10, с. 228]. При этом рассматривавший обозреваемое дело в 1-й инстанции Саяногорский городской суд Республики Хакасия не нашел оснований для признания объективно порочащими сведениями произнесенной в адрес истца ответчиком Ю. К.

фразы «наговорите вагон и маленькую тележку», «так как в данном случае ответчиком высказано оценочное суждение или мнение, которым ответчик указал на то, что М., по его мнению, старалась преувеличить негативные моменты в лечении ее отца» [11]. Вместе с тем 8-й кассационный суд, соглашаясь с оценкой судом первой инстанции суждения «вообще их позиция, как террористы какие-то, кто-то беспилотники запускает, а кто-то терроризирует учреждения», указал, что «данной фразой ответчик Ю. К. выразил свое отношение к фактам злоупотребления гражданами своими правами как получателями государственных услуг, в том числе в медицинской сфере» [9]. Более того, Верховный суд Республики Хакасия, оставивший апелляционную жалобу М. без удовлетворения, оценивая высказывания ответчика Ю. К., заключил: «В данном случае суждения ответчика не были высказаны в оскорбительной или циничной форме, выходящей за разумные пределы осуществления ответчиком права на свободу выражения своих мнений и убеждений» [12]. Так, кажется, достаточно точно определяет сущность позиции правоприменителя в указанном выше казусе представленная в работе коллектива авторов под руководством М. А. Рожковой словесная конструкция: «звучит как издевательство» [13, с. 85].

При этом, как справедливо отмечают М. Б. Ворошилова и А. П. Чудинов, «проблема разграничения утверждения о факте и оценочного суждения не нова в современном научном дискурсе, но яснее от такого она не стала» [14, с. 79]. В частности, различные аспекты гражданско-правовой (и не только) защиты чести и достоинства затрагивались в работах таких ученых Юридического института Иркутского государственного университета, как А. В. Климович [15, с. 46], В. А. Полянская [16, с. 62], М. А. Лаврик [17, с. 41], Е. В. Брянская [18, с. 4]. Более того, проблема практической дифференциации диффамации и проявлений свободомыслия в сфере цивилистической защиты чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации является одной из самых «сложных» [19, абз. 2 п. 6]. Вместе с тем построение эффективно функционирующего механизма отграничения диффамации от реализации свободы слова для успешного разрешения гражданского дела о защите репутационных благ «зачастую бывает и самым важным» [20, с. 100]. Однако, к сожалению, ни законодатель, ни отечественная юридическая наука, ни российские суды, полагаем, не выработали конкретный, обоснованный, последовательно работающий на практике порядок (алгоритм) разграничения порочащих данных и исключительно субъективно оценочных конструкторов.

Между тем в 2023 г. Конституционный Суд РФ высказал правовую позицию о невозможности рассматривать предоставленную законом «свободу усмотрения» судьи в области дифференциации порочащих сведений и не подлежащих судебному вмешательству высказываний, субъективных мнений и убеждений как «нарушение каких-либо прав и свобод» [21]. Но отсутствие легально закрепленных критериев разграничения диффамации и свободомыслия, витально необходимых при разрешении казусов, думается, является пробелом в праве, вызывающим не что иное, как правовую неопределенность, не позволяющую надлежаще защитить репутационные блага, в том числе и достоинство. При этом Конституционный Суд во время официальных мероприятий, посвященных своему 30-летию, в 2021 г. декларировал: «Сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Основного Закона» [22]. Ведь свобода слова является одной из основополагающих в Российской Федерации, поскольку она необходима для проведения в жизнь «плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества» [19, абз. 21 п. 6]. Таким образом, механизм объективного, эффективного и универсального разграничения проявлений реализации конституционного права каждого на свободное и ничем не обусловленное выражение мнений, суждений, убеждений от умаления достоинства, поругания чести, очернения доброго имени или разрушения деловой репутации, думается, все же необходимо «сконструировать» [23, с. 82].

В частности, активно используемым в российской цивилистической доктрине и отечественной правоприменительной практике критерием отграничения порочащих данных от субъективных мнений является природа распространенной информации. Содержание рассматриваемого критерия составляет возможность соотнесения распространенных высказываний с реальной действительностью. При этом природа распространенной информации как критерий разграничения диффамации и свободомыслия частично описывается в работах отечественных цивилистов и российской судебной практике под наименованиями «проверяемость» [24, с. 44], «верифицируемость» [1, с. 33], «доказуемость» [2, с. 130]. Однако, думается, подобные формулировки неоправданно сужают значение рассматриваемого критерия, увеличивают риск упущения важнейших аспектов данной категории при

преломлении ее к правоприменительной практике, не позволяют проследить связь данного критерия с иными. В свою очередь, оставление без внимания взаимовлияния критериев разграничения диффамации и свободомыслия, полагаем, искажает саму суть механизма разграничения объективных сведений и субъективных оценок, все составляющие которого корректно функционируют и позволяют достичь юридико-социальной цели практического применения данной правовой конструкции, исключительно работая в единстве и жестко объективированной взаимосвязи. Исходя из этого, полагаем, целесообразно определять рассматриваемый критерий именно как природу распространенных высказываний.

Между тем отечественный правоприменитель, исследуя природу распространенной информации для отграничения диффамации от свободомыслия, как правило, не именуется данный критерий природой распространенных высказываний. Так, например, Самарский областной суд признал «не соответствующими действительности и порочащими сведения» о том, что «А. видела, как ДД.ММ.ПГ К. О. достала из почтового ящика А. все квитанции, которые пришли в адрес последней», а также о том, что «К. О. рылась в почтовом ящике А.», поскольку «утверждение ответчика о совершении истцом неблагоприятного поступка не является субъективной оценкой личности К. О. и может быть верифицировано, то есть проверено на соответствие действительности» [25]. При этом действительно, полагаем, когда предметом распространяемого информационного потока является совершение конкретных действий определенным лицом, особенно при наличии четко прослеживаемой связи с точно идентифицируемыми местом и временем совершения поступка, сложно, даже при наличии субъективно эмоционально окрашенного термина «рылась», говорить о невозможности установить связь распространяемых сведений с реальностью. Тем более удивительным кажется то, что Ленинский районный суд г. Самары, решение которого Самарский областной суд отменил, счел, что «не представляется возможным проверить соответствие действительности событий, имевших место ДД. ММ. ППГГ. в первом подъезде дома, по адресу: <адрес>» [25]. Ведь событие само по себе – факт реальной действительности, мнение же суда о невозможности проверить его на соответствие реальности кажется весьма нестандартным, не способствующим достижению целей правосудия.

В актуальной судебной практике встречаются и случаи распространения сведений, которые

семантически невозможно проверить на соответствие реальной действительности. Так, например, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа посчитал «оценочными суждениями, мнениями, убеждениями, которые невозможно проверить на предмет их соответствия действительности» следующие данные: «именно К. обеспечивал неприкосновенность предприятий Т. со стороны инспекторов лицензионного центра, за что и оказался после ухода на пенсию на зарплате у бизнесмена Т.» [26]. Соглашаясь с мнением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, подчеркнем, что формулировки типа «за что и оказался на зарплате» содержат информацию о ходе мыслей. В частности, формирование вывода работодателя о наличии тех или иных необходимых ему жестких и гибких навыков и их достаточности для занятия той или иной деятельностью и назначения на ту или иную должность происходит в сознании работодателя в процессе мышления. Между тем достоверно проанализировать сознание, полагаем, в принципе не представляется возможным. Исходя из этого, как справедливо отмечают Е. Д. Горева, А. А. Палагина, и Е. В. Пугачёва, рассматриваемое «оценочное суждение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, с ним можно только согласиться или же не согласиться, исходя из своих собственных взглядов, принципов и вкусов» [24, с. 43]. Резюмируя, можно определить природу распространенных сведений как обязательный к использованию при разрешении казусов критерий разграничения диффамации и свободомыслия.

Кроме того, свойство информации носить порочащий характер в ряде случаев напрямую зависит от субъектов, причем как от тех, кто распространяет те или иные сведения, так и от тех, кто воспринимает и анализирует их. В частности, Красноярский краевой суд, признавая высказывание «Д. Д. В. представил договор с поддельными подписями Л. О. И.» порочащими сведениями, которые должны быть опровергнуты в установленном законом порядке, указал, что «по природе данная информация носит информационный характер» [27]. Думается, в данном случае суд признал, что диффамация включает в себя независимость вредоносной информации, наносящей ущерб нематериальным благам истца, от личности распространителя этой информации и от самого слушателя, который подвергает ее анализу.

Более того, как справедливо отмечено в научной литературе, «факты устраняют все частные характеристики события и сохраняют только самую его суть, его сердцевину» [28, с. 37]. Полагаем, в ряде казусов восприятие принима-

ющими субъектами распространяемой информации полностью или практически всецело зависит от статуса субъекта распространения информации. Кроме того, в некоторых случаях на специальный субъект возлагается дополнительное бремя разумности и осмотрительности при выборе произносимых им публично слов и выражений. Так, например, губернатор одного из российских регионов во время интервью при обсуждении вопроса о работе правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью произнес следующую фразу: «Что, не видели, как столько лет разворачивался К. с помощью Н.? Видели, но делали вид, что никто ничего не замечает» [29, с. 122]. При этом Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа, соглашаясь с мнением судов первой и апелляционной инстанций, счел рассматриваемое высказывание губернатора не субъективной оценкой, а информацией, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию истца Н. Более того, Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа подчеркнул юридическое социальное значение высказанных изречений лицом, получившим мандат непосредственно от избирателей путем всеобщих, прямых, свободных выборов: «Высказывание губернатора как первого должностного лица субъекта Российской Федерации в телепередаче и на страницах газеты позволяет неопределенному кругу лиц прямо сделать вывод о том, что общество (истец) нарушило действующее законодательство» [29, с. 122]. Вместе с тем на характер распространенной информации может влиять и тот источник, в котором данная информация была распространена. В частности, Ставропольский краевой суд признал «субъективным мнением ответчика по поводу сложившейся ситуации, ее умозаключением» следующие сведения: «Здесь собрались не только те люди, кто поддерживает М. В., но и кто пострадал от мошеннических действий Н. С. Л., в том числе я и моя семья. Потому, что около двух лет назад, может быть больше, она отобрала у нас мошенническими действиями землю» [30]. Так, суд учел выбор ответчиками источника для размещения содержащей спорные высказывания видеозаписи в группе «Признавашки Георгиевск» в социальной сети «ВКонтакте» и разъяснил, что понимание размещенной информации как порочащей в таком источнике информации является лишь «отражением субъективного восприятия данной информации, исходя из собственной оценки объективной действительности» [30]. Действительно, кажется, воспринимать как объективную истину высказывания, размещенные в созданных в мессенджерах в группах с шутливыми названиями, да

еще и исходящие отнюдь не из официальных источников или от носителей публичной власти, нецелесообразно. При этом опубликование подобной информации может некоторым образом умалить достоинство. Между тем, думается, попытка инициировать опровержение рассматриваемых высказываний аналогичным способом (в той же группе «Признавашки Георгиевск» теми же ответчиками) не изменит восприятие указанной информации и будет, вероятно, свидетельствовать о «слишком тонкой душевной организации» истца [31, с. 40]. Таким образом, для разграничения диффамации и свободомыслия необходимо, в частности, определить характер распространенной ответчиком информации.

Вместе с тем для отграничения объективных сведений от субъективных суждений необходимо выявить сущность распространенных высказываний. Так, под сущностью распространенной информации, полагаем, целесообразно понимать ее функциональное назначение, телеологическую, смысловую направленность: порочащие сведения или «средство авторского самовыражения» [4, с. 192]. В частности, определение сущности распространенных сведений помогает суду соотносить спорные высказывания ответчика с требованиями добросовестности. При этом добросовестность, полагаем, является фундаментальным и незыблемым принципом отечественного гражданского права. Исходя из этого, суд может восстановить умаленные честь, достоинство, доброе имя и деловую репутацию даже при нестандартном способе совершения деликта или при наличии попыток обхода закона путем использования особых словесных конструкций. Между тем для правильного определения сущности распространенных высказываний, учитывая величие и своеобразие русского языка, суду необходимо назначить соответствующую экспертизу. Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции подчеркнул: «Функция филолога-лингвиста заключается в определении содержательной сущности распространенной информации» [32]. Резюмируя изложенное, необходимо сказать о безусловной надобности определения природы распространенной информации в делах об отграничении диффамации от свободомыслия.

Таким образом, разграничивать объективные данные и субъективные мнения (оценки, суждения, убеждения) необходимо, руководствуясь критериями природы, характера и сущности распространяемых сведений. При этом данные критерии образуют механизм разграничения диффамации и свободомыслия только тогда, когда пребывают в органической взаимосвязи и взаимодействии. Думается, что для эф-

фективного применения механизма разграничения объективной и субъективной информации в делах о защите чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации необходимо легальное закрепление составляющих данного механизма в Гражданском кодексе РФ с разъяснением проблемных вопросов их использования Пленумом Верховного Суда РФ. Кроме того, по-

лагаем, необходимо проводить дальнейшие цивилистические исследования, направленные на изучение структурного состояния, функционирования и развития механизма практического отграничения социально полезных проявлений свободомыслия от посягающей на репутационные блага диффамации.

Список литературы

1. Барсукова В. Н. Факты и оценки с точки зрения защиты чести и достоинства личности // Вестник СГЮА. 2019. № 6 (131). С. 28–34.
2. Гаджиалиева Н. Ш., Абдурахманов Д. К. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 3. С. 129–133.
3. Иваненко Г. С. Структура лингвистической экспертизы по процессам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 216–228.
4. Иваненко Г. С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 191–196.
5. Гулина Н. М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник магистратуры. 2018. № 1-2 (76). С. 55–57.
6. Обязательства, возникающие не из договора : сб. ст. / рук. авт. колл. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2015. 444 с.
7. Решение Белогорского городского суда Амурской области № 2-301/2022 от 19.04.2022 по делу № 2-3034/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
8. По делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 24 нояб. 2023 г. № 54-П // Рос. газ. 2023. № 276.
9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-8293/2024 от 11 апр. 2024 г. по делу 19RS0003-01-2023-001231-55 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Зельманский О. Б., Давидовская Е. И. Устройство для проведения длительной кислородной терапии // Доклады БГУИР. 2016. № 7 (101). С. 226–230.
11. Решение Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 12 окт. 2023 г. по делу № 2-950/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 14 дек. 2023 г. по делу № 33-3243/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
13. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) : науч.-практ. пособие / под общ. ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2015. 271 с.
14. Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Игра в слова: контекстуальный анализ форм утверждения о факте и выражения мнения // Юрислингвистика. 2014. № 3. С. 78–82.
15. Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. №1. С. 44–50.
16. Полянская В. А. Психологический компонент морального вреда как предмет судебно-психологической экспертизы // Сибирский юридический вестник. 2007. №1. С. 59–62.
17. Лаврик М. А. Соматические права человека в Российской Федерации: конституционные основания, действующее законодательство и практика реализации // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2. С. 40–54.
18. Брянская Е. В. Унижение чести и достоинства личности несовершеннолетнего в процессе доказывания по уголовному делу // ExLegis. 2018. № 3. С. 2–5.
19. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
20. Южанинова А. Л. Психолого-юридические критерии унижения чести и достоинства граждан и социально-психологическая судебная экспертиза // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 4. С. 100–104.
21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гвардейцева Петра Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1222-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
22. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : информация Конституционного Суда РФ : одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

23. Каравай Т. В. К вопросу о понятии распространения в отношении органа внутренних дел или его должностного лица порочащих или не соответствующих действительности сведений // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 77–83.

24. Горевой Е. Д., Палагина А. А., Пугачева Е. В. Проблемы обеспечения равновесия между реализацией права на выражение своего мнения и права на защиту чести и достоинства // Юридическая наука. 2020. № 7. С. 42–46.

25. Апелляционное определение Самарского областного суда от 22 июля 2021 г. по делу № 33-7903/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

26. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-220/2023 от 27 марта 2023 г. по делу № А33-24204/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

27. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 25 марта 2024 г. по делу № 33-129/2024 (33-14696/2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

28. Гробицкая А. М. К вопросу о соотношении понятий «Событие» и «Факт» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. № 4. С. 33–38.

29. Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2011. Вып. 14. 184 с.

30. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 8 дек. 2020 г. по делу № 33-3-9198/2020, 2-805/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

31. Черниговский М. Порочный практикум // Коммерсант-Деньги. 2003. № 22. С. 40.

32. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 мая 2023 г. № 88-8237/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Понятие и сущность прокурорского надзора за соблюдением процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела

© Санжиев Ж. Ж., 2025

Ж. Ж. Санжиев

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: sanzhienvzhamso22@gmail.com

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chalv@bk.ru

Аннотация. Исследованы сущность и особенности прокурорского надзора за соблюдением процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела. Рассматриваются основные направления и функции прокурорского надзора, обеспечивающие законность и защиту прав граждан на данном этапе уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется анализу полномочий прокурора, в том числе его праву на отмену незаконных решений следственных органов. Подчеркивается значимость прокурорского надзора для обеспечения принципов законности, защиты прав потерпевших и предотвращения неправомерного уголовного преследования. Дается авторское определение прокурорского надзора за соблюдением процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, законность, процессуальные нормы, полномочия прокурора.

Вопрос о сущности и значении прокурорского надзора за соблюдением процессуальных норм при возбуждении уголовного дела остается актуальным в силу его важнейшей функции – обеспечения законности, защиты прав граждан и эффективного уголовного судопроизводства. Начальный этап уголовного процесса играет определяющую роль, поскольку именно на этой стадии принимаются решения, влияющие на дальнейший ход расследования. Ошибки или нарушения на данном этапе способны привести как к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности, что влечет за собой нарушение его конституционных прав, так и к незаконному отказу в возбуждении дела, что может повлиять на реализацию принципа неотвратимости наказания и ослабить общественное доверие к судебной системе.

Надзор со стороны прокурора за соблюдением процессуальных норм в данной сфере строится на основе принципа законности, который является основополагающим для уголовного судопроизводства. Надзорная деятельность прокуратуры направлена на защиту прав всех участников процесса и предотвращение возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, принимающих ключевые решения. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] сотрудники прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законодательства, включая уголовно-процессуальную сферу. Также, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ [1], прокурор обладает полномочиями анализи-

ровать законность и обоснованность решений следователей и дознавателей, а при выявлении нарушений – отменять неправомерные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Прокурор, обладая надзорными полномочиями, выполняет роль гаранта законности, предотвращая возможные ошибки, связанные с недостаточным анализом материалов, необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела или формальным подходом к проверке поступивших заявлений о преступлениях [4, с. 191].

Этап возбуждения уголовного дела представляет собой одну из наиболее уязвимых стадий в контексте соблюдения принципа законности, поскольку именно на этом этапе формируются правовые основания для дальнейшего уголовного преследования. В практике правоприменения нередко возникают ситуации, когда имеет место необоснованный отказ в возбуждении дела, нарушение процессуальных сроков или принятие неправомерных решений на основании неполных либо поверхностно изученных материалов. Недостаточный прокурорский надзор на данной стадии может повлечь утрату важных доказательств, осложнить последующее расследование и создать препятствия для привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности. В свою очередь, эффективный прокурорский надзор минимизирует указанные риски, обеспечивая соблюдение требований УПК РФ и недопущение произвола в правоохранительной деятельности.

Значимость прокурорского надзора в данной сфере также связана с необходимостью

надзора за соблюдением прав лиц, в отношении которых ведется проверка, и заявителей, обратившихся с сообщениями о преступлениях. Несвоевременное или формальное рассмотрение заявлений может привести к нарушению принципов правосудия и создать препятствия для защиты прав потерпевших [7, с. 109]. В этом контексте прокурорский надзор выполняет важную функцию правовой гарантии, обеспечивая прозрачность и объективность процессуальных решений, принимаемых на этапе возбуждения уголовного дела.

Современная практика применения прокурорского надзора требует дальнейшего совершенствования с учетом изменений в законодательстве, цифровизации уголовного судопроизводства и необходимости повышения эффективности правоохранительной деятельности. Введение автоматизированных систем надзора за рассмотрением заявлений и процессуальными сроками, использование электронных баз данных и цифровых инструментов мониторинга может повысить оперативность прокурорского реагирования на нарушения. Кроме того, необходимо развитие механизмов межведомственного взаимодействия, что позволит оперативно устранять ошибки и исключать случаи незаконного отказа в возбуждении уголовных дел [5, с. 24].

Таким образом, можно сделать вывод, что прокурорский надзор за соблюдением процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела является неотъемлемым элементом системы обеспечения законности и защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве. Его актуальность обусловлена необходимостью предотвращения нарушений, своевременного выявления и устранения незаконных процессуальных решений, а также обеспечения прозрачности и объективности действий правоохранительных органов.

В системе контроля за законностью на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях прокурор обладает обширными полномочиями, направленными на обеспечение соблюдения установленных процессуальных норм и защиту прав участников уголовного производства. Его надзорная деятельность охватывает контроль за своевременностью внесения информации о поступивших заявлениях в реестры, мониторинг полноты и объективности проводимых проверочных мероприятий, а также оценку законности итоговых решений, принимаемых по результатам рассмотрения поступивших сообщений. В рамках этой функции прокурор анализирует соответствие вынесенного решения требованиям законодательства, его аргументированность и обоснованность, что позволяет предотвратить случаи не-

обоснованного отказа в возбуждении уголовного дела или незаконного уклонения от реагирования на поступившую информацию.

Одним из важных направлений деятельности прокурора в данной сфере является контроль за выполнением компетентными органами обязанностей по уведомлению заявителей и иных заинтересованных лиц о результатах проведенной проверки. Он также обеспечивает соблюдение их права на обжалование процессуальных решений, что играет ключевую роль в защите интересов потерпевших и лиц, сообщивших о преступлении. В случаях возникновения споров о подследственности материалов прокурор принимает активное участие в их разрешении, способствуя единообразию правоприменительной практики и исключая ситуации необоснованного затягивания рассмотрения сообщений из-за разногласий между различными правоохранительными структурами.

Хотя полномочия прокурора в данной области не всегда прямо закреплены в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, они находят правовое обоснование в анализе совокупности норм уголовно-процессуального законодательства. В частности, ч. 5.1 указанной статьи предусматривает право прокурора истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ. Однако его надзорная деятельность не ограничивается только этим правом – она вытекает из общих принципов законности, обеспечения процессуальных гарантий и контроля за соблюдением установленного порядка при рассмотрении сообщений о преступлениях.

Согласно исследованию Е. С. Шилова, стадия возбуждения уголовного дела представляет собой первоначальный этап уголовного процесса. На данной стадии уголовного судопроизводства в сжатые сроки осуществляется проверка поступившего сообщения о совершении преступления с последующим принятием решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела [8, с. 144].

Деятельность прокурора на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой важнейший элемент обеспечения законности и эффективности уголовного судопроизводства. Его функции на данном этапе не ограничиваются простым надзором за законностью принимаемых процессуальных решений, но включают также координацию действий правоохранительных органов, анализ системных проблем уголовного преследования и предотвращение

возможных нарушений прав граждан. В рамках прокурорского надзора особое внимание уделяется вопросам соблюдения процессуальных сроков, правильности определения подсудственности и объективности процессуальных решений, что позволяет исключить затягивание рассмотрения заявлений о преступлениях и обеспечить своевременность и обоснованность процессуальных актов [3, с. 116].

Особое значение в деятельности прокурора на данном этапе имеет надзор за соблюдением требований подсудственности. В практике встречаются случаи, когда уголовные дела возбуждаются следователями, не обладающими соответствующей компетенцией, что может привести к юридической несостоятельности процессуальных решений и необходимости их последующего пересмотра. Кроме того, споры о подсудственности между различными следственными органами могут приводить к затягиванию сроков расследования и, как следствие, к нарушению прав потерпевших и других участников процесса. Прокурорский надзор в данном случае направлен на своевременное разрешение таких споров и обеспечение соблюдения принципа процессуальной определенности, что позволяет избежать необоснованной волокиты и повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Наряду с надзорной функцией прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела включает анализ системных проблем, возникающих в практике правоохранительных органов. На основе выявленных нарушений прокурор разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства, корректировке методических рекомендаций и улучшению взаимодействия между различными субъектами уголовного судопроизводства [6, с. 127]. Такой подход позволяет не только устранять отдельные ошибки и нарушения, но и формировать усло-

вия для их недопущения в будущем, что придает прокурорскому надзору не только репрессивный, но и профилактический характер.

Кроме того, одной из задач прокурора является надзор за соблюдением сроков рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях. Затягивание принятия процессуальных решений, нарушение установленных сроков проверки и вынесения постановлений нередко приводит к утрате доказательств, усложняет последующее расследование и подрывает доверие граждан к правоохранительной системе. В этом контексте прокурорский надзор позволяет своевременно выявлять факты волокиты, требовать устранения допущенных нарушений и принимать меры прокурорского реагирования в отношении должностных лиц, не обеспечивающих надлежащее исполнение своих процессуальных обязанностей.

Таким образом, прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела можно определить как особый вид прокурорской деятельности, направленной на обеспечение законности в работе следственных органов, защиту прав участников процесса и предупреждение нарушений уголовно-процессуального законодательства [9, с. 97]. Она охватывает проверку обоснованности и законности процессуальных решений, надзор за соблюдением прав граждан, анализ системных проблем в правоохранительной деятельности, а также применение мер прокурорского реагирования в случае выявления нарушений. Эффективность прокурорского надзора на данном этапе во многом определяет не только законность конкретных уголовных дел, но и стабильность всей системы уголовного судопроизводства, поскольку именно на стадии возбуждения уголовного дела закладываются основы дальнейшего расследования и судебного разбирательства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
3. Абдулазизов М. М. Прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2022. № 2. С. 115–117.
4. Бегова Д. Я., Казалиев Н. О. Ведомственный контроль и прокурорский надзор за отказом в возбуждении уголовного дела // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 189–193.
5. Бесельман И. В. Роль прокурорского надзора в обеспечении исполнения бюджетного законодательства Российской Федерации. М. : Норма, 2022. 290 с.
6. Маликова Н. В., Ямалетдинова Н. В. Процессуальный контроль и прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела: законодательные проблемы и способы их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3 (49). С. 123–130.
7. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / коллектив авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. М. : Юстиция, 2019. 391 с.
8. Шилов Е. С. Полномочия прокурора при надзоре за процессуальной деятельностью на стадии возбуждения уголовного дела // Трибуна ученого. 2021. № 3. С. 140–147.
9. Лубягин М. С. Прокурор как участник следственной группы в российском уголовном судопроизводстве: история и современность // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1. С. 94–100.

Актуальные проблемы заочного производства в гражданском процессе и возможные пути их решения

© Слободчикова М. О., 2025

М. О. Слободчикова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: maria.sl.25@mail.ru

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ актуальных проблем, связанных с заочным производством в гражданском процессе. Основное внимание уделено порядку получения согласия истца на рассмотрение дела в заочном порядке, сроку подачи заявления об отмене заочного решения при наличии нескольких ответчиков, а также правовым аспектам и проблемам, возникающим при отмене заочных решений.

Ключевые слова: заочное производство, гражданский процесс, получение согласия, ответчик, истец, отмена решения.

Институт заочного производства, установленный гражданским процессуальным законодательством, позволяет рассматривать и разрешать исковые требования без непосредственного участия ответчика. В соответствии с гл. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1] заочное производство представляет собой ускоренную форму судопроизводства, сохраняющую ключевые характеристики судебной деятельности.

Исторически заочное производство зарекомендовало себя как эффективный механизм защиты прав заинтересованных лиц [2, с. 74]. Тем не менее, несмотря на многолетнюю эволюцию, в современной правоприменительной практике остаются нерешенными актуальные проблемы, связанные с реализацией данного института. Анализ норм ГПК РФ показывает, что основания для применения порядка рассмотрения дел по существу как общего, так и заочного производства идентичны. Важнейшим отличием является обязательное согласие истца на рассмотрение дела в порядке заочного производства. В случае отказа истца от заочного производства суд в силу ч. 3 ст. 233 ГПК РФ откладывает разбирательство. Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 167 ГПК РФ суд вправе рассмотреть дело в отсутствие ответчика, если он был надлежащим образом уведомлен о времени и месте судебного заседания, не предоставил информацию об уважительной причине неявки в суд и не выразил желания участвовать в рассмотрении дела.

Заочное производство, по мнению Ю. А. Ковтуна, ориентировано на обеспечение быстрого и результативного рассмотрения дела в отсутствие ответчика, который, будучи надлежащим образом уведомленным о времени, месте и

предмете судебного разбирательства, не явился в судебное заседание без уважительных причин. Данная цель достигается посредством механизмов, предусмотренных законодательством [3, с. 14].

В соответствии со ст. 233 ГПК РФ суд обладает дискреционным правом на инициирование заочного рассмотрения дела. Это означает, что суд вправе, но не обязан принять решение о заочном рассмотрении дела, даже если имеются предусмотренные законом основания для его применения. ГПК РФ не устанавливает процедуру подачи истцом ходатайства о переходе к заочному производству, однако и не запрещает этого.

Основания для заочного рассмотрения дела охватывают совокупность объективных и субъективных факторов.

К объективным факторам относятся: соблюдение процедуры надлежащего уведомления ответчика о времени и месте судебного разбирательства; неявка ответчика без уважительных причин; отсутствие уведомления суда о наличии уважительных причин неявки; отсутствие ходатайства ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие; неизменность предмета и основания заявленного иска. К субъективному фактору как основанию заочного рассмотрения дела относится согласие истца на рассмотрение дела в отсутствие ответчика.

В законодательстве отсутствует регламентация процедуры, которая должна быть применена в случае, если в судебное заседание явился представитель ответчика, действующий на основании должным образом оформленных полномочий. Поскольку представитель действует от имени и в интересах ответчика, его присутствие в процессе рассматривается как косвенное уча-

ствие самого ответчика. Это обстоятельство исключает возможность проведения заочного рассмотрения дела, так как присутствие представителя, действующего в пределах предоставленных ему полномочий, приравнивается к присутствию ответчика [4, с. 25].

На практике существуют случаи, когда суд вышестоящей инстанции отменял заочное решение ввиду ненадлежащего уведомления ответчика о времени и месте судебного заседания. Вопрос затронул Верховный Суд РФ (далее – ВС) в определении № 53-КГ22-13-К8 по жалобе В. Шибанова [5]. В июле 2020 г. против него подал иск банк «Уралсиб» о взыскании 789 820 руб. Суд известил ответчика о времени и месте заседания по адресу регистрации, который был указан в кредитном договоре и удостоверен копией паспорта, представленной в банк. Он был подтвержден судом посредством обращения в отдел адресно-справочной службы УВМ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Тем не менее судебное извещение, направленное по данному адресу, было возвращено в суд с отметкой «истечение срока хранения». Советский районный суд Красноярска заочным решением № 2-9961/20 удовлетворил иск банка «Уралсиб» к Шибанову. Копию заочного решения направили ответчику, при этом конверт вернулся и не был вручен. Суд отказал ответчику в восстановлении срока на подачу заявления об отмене заочного решения, указав, что ответчик считается получившим судебное извещение, потому что в соответствии с положениями ст. 118 и 119 ГПК РФ оно было направлено по известному суду адресу. Исходя из этого, срок для подачи заявления об отмене заочного решения, установленный законом, истек 8 октября 2020 г. Кроме того, суд посчитал поведение ответчика недобросовестным, так как он не сообщил банку о смене места жительства и не зарегистрировался по новому адресу проживания. Красноярский краевой суд и Восьмой кассационный суд общей юрисдикции с этим согласились. Гражданская коллегия ВС оказалась другого мнения. Суду надо было установить, были ли у ответчика объективные препятствия к тому, чтобы получить копию заочного решения, так как семидневный срок на подачу заявления о его отмене исчисляется со дня вручения акта. Шибанов указывал, что узнал о решении только 8 октября 2020 г. из сообщения «Уралсиба». Копию заочного решения ему направили лишь 23 сентября. По какой причине конверт вернулся и не был вручен, на письме не значится, а в отчете об отслеживании было указано: «возврат отправителю по иным обстоятельствам». По ст. 165.1 ГК РФ сообщение не может считаться доставленным, если не было вручено

по причинам, не зависящим от адресата. Что за причины в деле Шибанова, суды не выяснили. ВС не согласился и с выводами нижестоящих судов о недобросовестности ответчика. Как следует из материалов дела, 10 октября 2020 г. Шибанов отправил в суд заказное письмо, в котором проинформировал, что сменил адрес и не имеет копии заочного решения. Получив копию 27 октября, сразу обратился в суд с заявлением о его отмене. Суды не дали оценки этим обстоятельствам и лишили заявителя возможности отмены решения на 789 819 руб., хотя он не принимал участия в разбирательстве и не мог приводить свои доводы и предъявлять доказательства. Что касается разъяснений апелляции, они актуальны до 1 октября 2019 г. На момент обращения Шибанова действовала новая редакция ст. 237 ГПК РФ, которая не разрешает подать апелляционную жалобу без предварительного обращения в суд об отмене заочного решения, говорится в определении ВС.

При наличии установленных объективных и субъективных оснований дело рассматривается в порядке заочного производства, что осуществляется в рамках общих правил искового производства и установленных сроков. Исключениями являются процессуальные нормы, которые не могут быть соблюдены ввиду отсутствия ответчика на судебном заседании. Председательствующий не выполняет процессуальные обязанности по разъяснению ответчику его прав и обязанностей, не рассматривает заявления об отводах, не выясняет позицию ответчика по иску и возможность заключения мирового соглашения. Ответчик не участвует в исследовании доказательств и не может заявлять ходатайства. Прения сторон и реплики проводятся без его участия. По итогам рассмотрения дела выносится заочное решение, которое отличается от обычного наличием информации о сроке и порядке его обжалования.

Процессуальные действия суда и участников процесса после принятия заочного решения отличаются от установленных для обычного рассмотрения дела. В частности, имеются нарушения сроков направления заочного решения сторонам: ответчику оно должно быть направлено не позднее трех дней с момента принятия с уведомлением о вручении, тогда как истцу – в порядке, предусмотренном ст. 214 ГПК РФ, если истец ходатайствовал о рассмотрении дела в его отсутствие [6, с. 176].

Если ответчик лишен возможности в установленный законом срок (срок подачи заявления – 7 дней со дня вручения копии решения ответчику) подать заявление об отмене заочного решения, это нарушает его право на судебную

защиту. Порядок рассмотрения заявления об отмене заочного решения также не соответствует требованиям процессуального законодательства.

Для отмены заочного решения необходимо соблюдение трех обязательных условий, подтвержденных документально:

- 1) неявка ответчика в судебное заседание по уважительным причинам;
- 2) отсутствие у ответчика возможности уведомить суд об уважительных причинах неявки;
- 3) наличие обстоятельств, которые могут повлиять на решение суда, подтвержденных доказательствами [7, с. 14].

При удовлетворении заявления суд выносит определение о возобновлении рассмотрения дела. Повторная неявка ответчика в судебное заседание приведет к тому, что новое решение не будет заочным. В случае отказа в отмене заочного решения ответчик вправе обратиться в апелляционную инстанцию для проверки законности и обоснованности определения суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене этого решения суда [8, с. 21].

Ответчик обладает двумя альтернативными процессуальными механизмами для выражения своей позиции относительно заочного решения суда: подача заявления об отмене указанного решения и обжалование судебного определения в апелляционном порядке.

Действующее законодательство не предусматривает отдельного обжалования определения об отмене заочного решения суда. Это создает правовую неопределенность, поскольку суд может произвольно толковать основания, предусмотренные ст. 242 ГПК РФ, при принятии решения об отмене заочного судебного акта.

Принцип процессуального равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ) предполагает, что истец, не согласный с заочным решением суда, должен иметь возможность обжаловать определение суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения. Это необходимо для обеспечения обоснованности судебных актов и поддержания дисциплины в судебной практике.

В настоящее время истец может обжаловать заочное решение только в апелляционном порядке, тогда как ответчик имеет право обратиться в суд первой инстанции с заявлением об отмене заочного решения. Такое неравенство процессуальных возможностей нарушает принцип равноправия сторон и требует корректировки законодательства.

Для устранения данного правового дисбаланса предлагается предоставить истцу право самостоятельно обращаться в суд первой инстанции с заявлением об отмене заочного решения. Это позволит обеспечить равное положение сторон в процессе защиты их прав и интересов.

Для обеспечения принципа равенства сторон при пересмотре заочного решения суда необходимо установить обязательное проведение судебного заседания с обязательным уведомлением всех заинтересованных лиц и исследованием доводов истца, касающихся его правовой позиции. Основанием для отмены заочного решения могут служить выявленные процессуальные нарушения или ошибки в применении норм права, что влечет за собой необходимость повторного рассмотрения дела по существу.

Реализация указанного предложения привела бы к усложнению структуры заочного производства. В целях обеспечения справедливого баланса интересов сторон представляется целесообразным исключить возможность отмены заочного решения судом, его вынесшим. Вместо этого следует предусмотреть право обжалования заочного решения обеими сторонами в апелляционном порядке.

ГПК РФ предусматривает два порядка рассмотрения дела в отсутствие ответчика на одинаковых основаниях и с идентичной процедурой. В первом случае суд вправе принять решение о заочном рассмотрении дела без получения согласия сторон. Во втором случае суд запрашивает мнение истца относительно возможности проведения заочного разбирательства. При положительном ответе истца процесс приобретает статус заочного.

Истец выражает согласие на заочное рассмотрение дела в целях предотвращения затягивания судебного процесса ответчиком вследствие его неявки на заседания без уважительных причин. Однако следует отметить, что ожидания истца относительно оперативного исполнения судебного акта в его пользу могут быть не реализованы [9, с. 82]. Это связано с тем, что вступление заочного решения в законную силу зависит от действий ответчика после получения копии решения, что может быть затруднено по ряду причин, включая его длительное отсутствие в месте жительства (например, командировка, болезнь, чрезвычайные ситуации) или умышленное уклонение от получения копии.

Законодательство не определяет конкретный момент, когда право ответчика на ознакомление с заочным решением суда считается реализованным. В связи с этим процессуальные сроки, установленные для обжалования заочного решения, начинают исчисляться с момента, когда ответчик узнает о его принятии. К таким срокам относятся семидневный срок для подачи заявления об отмене заочного решения, десятидневный срок для его рассмотрения в судебном заседании и месячный срок для подачи апелляционной жалобы на вынесенное решение.

Для ускорения процедуры получения ответчиком копии заочного решения суды могут применять практики, не предусмотренные законодательством, такие как доставка копии решения истцом или повторное направление документа ответчику.

В целях устранения правовой неопределенности относительно момента вступления заочного решения суда в законную силу Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 2 от 26 июня 2015 г. предложил следующий подход: заочное решение суда вступает в законную силу по истечении срока для направления копии заочного решения ответчику (три дня с момента его вынесения); срока на подачу ответчиком заявления об отмене заочного решения (семь дней с момента его получения); срока на подачу апелляционной жалобы на заочное решение (тридцать дней с момента его вступления в законную силу) [10].

Таким образом, общий срок вступления заочного решения суда в законную силу может существенно превышать срок, установленный для обычных решений при рассмотрении дела в отсутствие ответчика, который составляет тридцать дней (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ). Кроме того, следует учитывать, что пропущенный ответчиком срок на обжалование заочного решения может быть восстановлен судом, что создает риск отмены уже исполненного решения. В судебной практике имеются случаи отмены заочных решений спустя восемь, десять лет после их вынесения, а также после смерти истца.

Формулировка указывает на возникновение для истца неблагоприятных процессуальных последствий по сравнению с ответчиком, так как истец не обладает информацией о возможности подачи заявления о принудительном исполнении судебного решения.

В соответствии с действующим процессуальным законодательством суд не обязан уведомлять истца о факте вручения копии заочного решения ответчику, а также о дате такого вручения. Таким образом, обеспечение надлежащей информированности истца возлагается на него самого, что является не вполне корректным с точки зрения процессуальных гарантий.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 236 ГПК РФ ч. 3, обязывающей суд информировать истца о факте вручения или невручения копии заочного решения ответчику, а в случае невручения – указывать причины, препятствующие выполнению данной процедуры.

Для побуждения ответчика к своевременному реагированию на заочное решение суда необходимо ускорить процесс его вступления в законную силу и обеспечить немедленное ис-

полнение. Согласно ст. 237 ГПК РФ заочное решение суда вступает в законную силу по истечении пятнадцати дней с момента его вынесения, если ответчик не подал заявление об отмене или апелляционную жалобу. В случае наложения ареста на денежные средства, имущество ответчика или блокировки его банковских карт, он будет вынужден оперативно реагировать на судебное решение.

При подаче апелляционной жалобы ответчик имеет право заявить ходатайство о приостановлении исполнения заочного решения суда. Данная процедура предоставляет ответчику дополнительное время для подготовки и подачи апелляционной жалобы, а также минимизирует риски негативных последствий, связанных с немедленным исполнением судебного акта [11, с. 70].

При наличии нескольких истцов в рамках одного искового заявления и разногласиях в отношении порядка рассмотрения дела, когда часть истцов согласна на заочное разбирательство, а другая часть возражает, возникает проблема вынесения заочного решения.

Для разрешения данной коллизии предлагается выделить требования истца, несогласного с заочным рассмотрением, в отдельное производство с приостановлением его рассмотрения до разрешения спора по требованиям остальных истцов. Это соответствует положениям абз. 5 ст. 215 ГПК РФ, допускающим разделение производства в случае невозможности одновременного рассмотрения всех требований.

Аналогичный подход применяется в случае вступления третьего лица с самостоятельными требованиями в процесс. Если третье лицо не согласно с заочным рассмотрением дела, то его требования выделяются в отдельное производство с приостановлением рассмотрения до разрешения спора между первоначальными сторонами. Если третье лицо соглашается на заочное рассмотрение, а первоначальный истец возражает, то дело рассматривается с участием третьего лица, а производство по требованиям первоначального истца приостанавливается.

В отношении третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, их мнение о порядке рассмотрения дела (очное или заочное) не учитывается, поскольку они не являются участниками спорного материального правоотношения.

При участии в деле процессуальных истцов (процессуальных заявителей), таких как органы государственной власти, местного самоуправления, прокурор, а также организации и граждане, уполномоченные защищать права и законные интересы других лиц (материальных истцов) в порядке, предусмотренном ст. 45–46 ГПК РФ,

возникает дополнительный вопрос. ГПК РФ не содержит четкого регулирования обязанности материального истца участвовать в судебном процессе и не устанавливает конкретных условий, при которых такое участие обязательно. Это приводит к неопределенности относительно действий суда в ситуации, когда процессуальный истец согласен на заочное рассмотрение дела, а материальный истец возражает.

Представляется, что в данном случае приоритет должно иметь мнение материального истца, так как речь идет о защите его прав и законных интересов. Материальный истец обладает непосредственной заинтересованностью в исходе дела и имеет право определять предпочтительный порядок его рассмотрения.

Предлагается классифицировать виды судебных разбирательств в зависимости от количества ответчиков и их участия в судебном заседании. При наличии всех ответчиков судебное производство осуществляется в общем порядке. В случае неявки одного или нескольких ответчиков применяется заочное производство, которое начинается после вынесения решения по основному разбирательству [12, с. 295].

В юридической литературе значительное внимание уделяется проблеме неявки истца в судебное заседание без уважительных причин. Такая неявка может свидетельствовать о недобросовестном поведении истца по отношению к ответчику, включая злоупотребление процессуальными правами, подачу необоснованных исков или умышленное затягивание судебного разбирательства.

Действующее законодательство, в частности ст. 222 ГПК РФ, предусматривает возможность оставления дела без рассмотрения при повторной неявке истца, надлежащим образом уведомленного о времени и месте судебного разбирательства. Однако данная мера не может считаться полноценной санкцией, так как ст. 223 ГПК РФ предоставляет истцу право повторно обра-

титься в суд с тем же иском требованием. Это позволяет истцу продолжать использовать процессуальные средства для затягивания судебного процесса без риска наступления неблагоприятных последствий.

Для обеспечения надлежащей явки истца предлагается внести изменения в законодательство, уполномочив суд рассматривать дело в отсутствие истца. Более эффективным инструментом в этом контексте может стать норма о прекращении производства по делу (ст. 221 ГПК РФ), которая исключит возможность повторного обращения истца с идентичными требованиями и основаниями.

Анализ института заочного производства выявляет его принципиальное сходство с традиционным иском производством, однако с существенными различиями в сроках рассмотрения дела. Заочное производство характеризуется сокращенными процессуальными сроками при условии добросовестного исполнения сторонами своих процессуальных обязанностей и отсутствия злоупотреблений процессуальными правами. В противном случае эффективность заочного производства существенно снижается. Для повышения эффективности заочного производства требуется значительное сокращение процессуальных сроков, обеспечение равенства сторон и ужесточение санкций за злоупотребления процессуальными правами.

В рамках данного исследования были выявлены ключевые проблемы института заочного решения суда, в частности ситуация, когда в деле участвует несколько истцов, среди которых одни выражают согласие на заочное рассмотрение дела, а другие возражают против этого. Также установлено, что неявка истца в судебное заседание без уважительных причин может свидетельствовать о недобросовестном поведении по отношению к ответчику. Такое поведение может проявляться в подаче необоснованного иска или в умышленном затягивании судебного процесса.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Курас Т. Л. Проблемы заочного производства в гражданском процессе РФ // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 74–76.
3. Ковтун Ю. А., Блажко Я. Г. Приказное производство и заочное производство в гражданском процессе. Белгород : Общество с ограниченной ответственностью «Константа», 2020. 86 с.
4. Хафизов А. А. Проблемы заочного производства в гражданском процессе // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 3, № 60. С. 25–34.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2022 г. № 53-КГ22-13-К8 // КонсультантПлюс: справ. правовая система: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724430#Z0OhFkUGKeEOj7x1>.
6. Рябова О. А., Кузнецова Н. В. Некоторые проблемные аспекты заочного производства в гражданском процессе России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 9. С. 175–177.

7. Лошкарев А. В., Руднева Ю. В., Турапина А. В. Проблемы заочного производства в гражданском процессе // Вопросы экономики и права. 2020. № 140. С. 13–15.
8. Зайцева Т. С. Злоупотребление правом при осуществлении заочного производства в гражданском процессе // Актуальные исследования. 2023. № 47-2(177). С. 20–22.
9. Петрухин Г. В. Проблемы необходимости института заочного производства в гражданском процессе РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-3(80). С. 81–83.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // КонсультантПлюс : справ. правовая система : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182017/62652ba719504ab273f9d86a49e2f7e2ee33d0a5/.
11. Карпенко А. К., Лебедь Е. О. Актуальные проблемы заочного производства в гражданском процессе // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1, № 4(24). С. 68–73.
12. Лубягина Ю. С. Актуальные проблемы заочного производства в гражданском процессе // Теоретические и прикладные исследования в области социально-гуманитарных наук : материалы XXXI Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 25 нояб. 2023 г. Ростов н/Д., 2023. С. 293–295.

Правовые основы прокурорского надзора за исполнением законов в семейной сфере

© Тужицкая В. А., 2025

В. А. Тужицкая

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tuzhiczskaya@bk.ru

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chaly@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые основы прокурорского надзора за исполнением законов в семейной сфере. Анализируются нормативные правовые акты, регулирующие эту область, рассматриваются проблемы правоприменительной практики, а также предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, защита прав ребенка, органы опеки и попечительства, алименты, законодательство.

Семейная сфера является одной из важнейших областей социальной жизни, где государство обязано защищать права и законные интересы граждан. Прокуратура Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении законности, осуществляя надзор за выполнением законодательства в этой сложной и многогранной области. Эта деятельность основывается на Конституции РФ, федеральных законах РФ и международных документах, направленных на защиту семьи, материнства и детства.

Однако, несмотря на разработанную нормативно-правовую базу, практика прокурорского надзора в семейной сфере сталкивается с рядом трудностей. Ключевыми проблемами являются недостаточная координация с органами опеки и попечительства, сложности в правоприменении и пробелы в законодательстве. Эти факторы значительно снижают эффективность контроля и требуют детального анализа для устранения.

Целью статьи является изучение правовых основ и практики прокурорского надзора за исполнением законов в семейной сфере. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть базовые нормативные акты, выявить существующие проблемы в их реализации и предложить пути совершенствования законодательства.

Правовая основа деятельности прокуратуры в семейной сфере начинает формироваться на конституционном уровне. Статья 38 Конституции РФ закрепляет обязанность государства защищать семью, материнство, отцовство и детство, а ст. 129 устанавливает надзорные функции прокуратуры. Эти положения создают фундамент для последующего законодательного регулирования, направленного на охрану прав семьи и отдельных ее членов [1].

Одним из основных нормативных актов, регулирующих деятельность прокуратуры, является Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Закон закрепляет полномочия прокуратуры в части надзора за соблюдением законодательства, включая защиту прав несовершеннолетних, а также контроль за деятельностью органов исполнительной власти [2].

Важную роль в правоприменении играет Семейный кодекс РФ, который устанавливает права и обязанности членов семьи, регулирует вопросы опеки, попечительства и усыновления. Например, ст. 56 Семейного кодекса РФ предоставляет прокурорам право защищать интересы несовершеннолетних в судебных процессах [3].

Существенное значение имеет и ведомственное регулирование. Приказ Генпрокуратуры России от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их права и законных интересов» определяет порядок действий прокуроров в случаях нарушения прав ребенка. Нормативный акт устанавливает необходимость проведения проверок в органах опеки, инициирования судебных разбирательств и защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей [4].

Несмотря на значительный опыт участия прокуроров в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав и наличие теоретических наработок по указанной тематике, имеется ряд вопросов, требующих обсуждения. Сказанное особенно важно потому, что решение вопроса об изъятии ребенка из семьи в каждом конкретном случае требует взвешенного подхода – нельзя допустить ни необоснованного прекращения детско-родительских отношений, что,

к сожалению, может стать возможным в связи с упущениями в профилактической работе органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений совершеннолетних, ни оставления ребенка в семье в противоречии с его интересами [5, с. 43].

Не менее важным источником правового регулирования являются международные акты, ратифицированные Российской Федерацией.

Конвенция ООН о правах ребенка, вступившая в силу для России в 1990 г., закрепляет основные права детей и возлагает на государства обязанности по их защите. Принципы Конвенции нашли отражение в Семейном кодексе РФ и других нормативных актах, регулирующих семейные отношения [6].

Практическая деятельность прокуратуры в семейной сфере подтверждает актуальность и необходимость надзора.

Согласно отчету Генеральной прокуратуры РФ за 2022 г.:

- рассмотрено более 50 тыс. обращений граждан по вопросам нарушения прав в семейной сфере;

- возбуждено свыше 3 тыс. дел об административных правонарушениях, связанных с неисполнением родительских обязанностей [7, с. 58].

Кроме того, проведено около 1 200 проверок деятельности органов опеки и попечительства, в ходе которых выявлено более 500 случаев нарушений законодательства.

Так, прокуратура Республики Татарстан в ходе проверки органов опеки выявила факт незаконного изъятия ребенка из семьи без достаточных на то оснований. Установлено, что сотрудники органа опеки нарушили порядок принятия решения, предусмотренный Семейным кодексом РФ. По результатам прокурорского вмешательства ребенок был возвращен в семью, а виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности [8].

В Челябинской области прокуратура выявила случай ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, когда родители длительное время не обеспечивали своих детей питанием и необходимыми условиями для жизни. По инициативе прокурора в отношении родителей было возбуждено административное дело, а дети временно переданы под опеку родственников [9].

В Хабаровском крае прокуроры выявили серьезные нарушения в деятельности органов опеки при усыновлении ребенка. Установлено, что усыновление было оформлено без проведения обязательной проверки условий жизни потенциальных усыновителей. По результатам прокурорской проверки усыновление было ан-

нулировано, а орган опеки получил представление об устранении нарушений [10].

Особое место в защите прав членов семьи и несовершеннолетних занимает Уголовный кодекс РФ, который устанавливает ответственность за наиболее серьезные нарушения в семейной сфере.

Так, ст. 117 Уголовного кодекса РФ «Истязание» применяется к случаям систематического насилия в семье, включая жестокое обращение с детьми. Прокуратура активно использует данную статью для защиты жертв семейного насилия [11]. Так, в Приморском крае было возбуждено уголовное дело по факту истязания несовершеннолетнего отцом, систематически применявшим физическое насилие. Благодаря вмешательству прокуратуры преступник был привлечен к уголовной ответственности [12].

Статья 156 Уголовного кодекса РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» устанавливает ответственность родителей или опекунов за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

В Кемеровской области прокуратура выявила случай, когда родители систематически оставляли своих детей без присмотра, подвергая их жизнь опасности. По результатам прокурорской проверки было возбуждено уголовное дело, а дети переданы под временную опеку родственников [13].

Статья 157 Уголовного кодекса РФ «Уклонение от уплаты алиментов» применяется к лицам, которые уклоняются от выполнения своих обязанностей по содержанию детей.

В Республике Башкортостан прокуратура обеспечила возбуждение уголовного дела в отношении гражданина, который более двух лет уклонялся от уплаты алиментов на содержание своих троих детей. В результате вмешательства прокурора долг по алиментам был погашен, а виновное лицо привлечено к ответственности [14].

Статистика за последние годы показывает, что вопросы семейных отношений занимают значительное место в работе прокуратуры. Рассмотрим в таблице основные показатели и динамику выявленных нарушений, внесенных представлений и возбужденных уголовных дел в семейной сфере в 2020–2022 гг. [15].

Таблица

Статистика прокурорского надзора в сфере семейных отношений (2020–2022 гг.)

Год	Количество выявленных нарушений законов	Количество внесенных представлений	Возбуждено уголовных дел (по ст. 157 УК РФ)	Количество дел о защите прав детей (опека, алименты и др.)	Количество дел, связанных с домашним насилием
2020	12 450	4230	1870	7200	1150
2021	13 820	4560	1940	7890	1310
2022	14 500	4910	2100	8450	1410

Несмотря на достигнутые результаты, в практике прокурорского надзора существуют значительные проблемы. Одной из них является недостаточная координация между прокуратурой и органами опеки и попечительства. Нередко взаимодействие между этими структурами оказывается формальным, что приводит к дублированию функций и снижению эффективности работы. Кроме того, органы опеки иногда предоставляют прокурорам недостоверные данные, усложняя проведение проверок.

Еще одной проблемой является недостаточная активность прокуроров в инициировании судебных разбирательств в интересах несовершеннолетних. Это связано как с высокой нагрузкой, так и с ограничениями в правоприменении. Например, в ряде случаев прокуратура сталкивается с трудностями в сборе доказательств ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, что существенно снижает эффективность защиты прав ребенка.

Не менее значимую проблему представляют пробелы в законодательстве. Некоторые аспекты взаимодействия прокуратуры с органами опеки и попечительства требуют дополнительного нормативного регулирования.

Для устранения проблем, связанных с недостаточной координацией между прокуратурой и органами опеки, а также пробелами в законодательстве, предлагается внести изменения в действующее законодательство:

1. Включить в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» отдельную статью и следующую норму: «Прокурор осуществляет надзор за соблюдением законодательства в деятельности органов опеки и попечительства, включая своевременность и законность принимаемых ими решений, а также инициирует судебные разбирательства в интересах несовершеннолетних в случае выявления нарушений их прав».

Это позволит закрепить обязанность прокуратуры не только осуществлять проверку деятельности органов опеки, но и инициировать меры реагирования при выявлении нарушений.

2. Закрепить в Семейном кодексе РФ и Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1

«О прокуратуре Российской Федерации» положение о создании единой государственной информационно-системы учета данных о несовершеннолетних. Прокуроры должны получать доступ к этой системе для мониторинга действий органов опеки.

3. Внести изменения в Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», установив, что органы прокуратуры участвуют в комиссиях по делам несовершеннолетних на постоянной основе.

Предлагается добавить норму следующего содержания: «Прокуроры наделяются правом обязательного участия в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав с правом голоса при принятии решений».

4. Закрепить в Семейном кодексе РФ обязанность органов опеки уведомлять прокуратуру о каждом случае изъятия ребенка из семьи, установления опеки или усыновления, выявления нарушений прав несовершеннолетних.

Тем самым предлагается дополнить ст. 122 Семейного кодекса РФ следующим пунктом: «Органы опеки и попечительства обязаны в течение трех рабочих дней уведомлять прокуратуру о случаях выявления нарушений прав несовершеннолетних, а также о фактах изъятия детей из семей или принятия решений по вопросам устройства детей, оставшихся без попечения родителей».

5. Внести изменения в Уголовный кодекс РФ, тем самым ужесточить ответственность за предоставление недостоверных данных органами опеки.

Предлагается дополнить ст. 292 Уголовного кодекса РФ «Служебный подлог» следующей нормой: «Служебный подлог, совершенный должностным лицом органа опеки и попечительства в целях сокрытия фактов нарушений прав несовершеннолетних, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности».

Совершенствование законодательства в предложенных направлениях обеспечит более надежную защиту прав семьи и детей, а также повысит эффективность прокурорского надзора в данной сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // КонсультантПлюс: справ. правовая система: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=m49casue57238029898 (дата обращения: 20.01.2025).
3. Семейный кодекс Российской Федерации (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1.

4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их права и законных интересов : приказ Генпрокуратуры России от 13 дек. 2021 г. № 744 // КонсультантПлюс : справ. правовая система : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403666/ (дата обращения: 20.01.2025).
5. Кравцов А. Ю., Сенотрусова Е. М. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4. С. 42–44.
6. Конвенция ООН о правах ребенка (принята 20.11.1989, ратифицирована РФ 13.06.1990) // сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 20.01.2025).
7. Отчет Генеральной прокуратуры РФ за 2022 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 22.01.2025).
8. Прокуратура Республики Татарстан. Пример выявленных нарушений в органах опеки. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/mass-media/news?item=66419555 (дата обращения: 22.01.2025).
9. Прокуратура Челябинской области. Дела о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/mass-media/news/reg-news?item=76970448 (дата обращения: 22.01.2025).
10. Прокуратура Хабаровского края. Нарушения при усыновлении. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_27/sections?section=32870783 (дата обращения: 22.01.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.
12. Прокуратура Приморского края. Пример привлечения к ответственности за истязание. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/mass-media/news/reg-news?item=107763120 (дата обращения: 22.01.2025).
13. Прокуратура Кемеровской области. Дела о неисполнении обязанностей по воспитанию детей. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_42/mass-media/news?item=102424376 (дата обращения: 22.01.2025).
14. Прокуратура Республики Башкортостан. Возбуждение дела по статье 157 УК РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_02/mass-media/news?item=59718969 (дата обращения: 22.01.2025).
15. Генеральная прокуратура РФ. URL: <file:///C:/Users/Сергей/Downloads/Основные%20результаты%20прокурорской%20деятельности%20за%20январь-декабрь%202022%20года.pdf> (дата обращения: 22.01.2025).

Правовые аспекты банкротства застройщиков в России: проблемы трансформации требований и защиты прав участников строительства

© Цэдашиев Б. Б., 2025

Б. Б. Цэдашиев

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tsedashiev_steam@mail.ru

Научный руководитель:

Е. О. Ганева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kareva10@mail.ru

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы правового регулирования банкротства застройщиков в России. Выявлены существенные пробелы в законодательстве, создающие препятствия для эффективной защиты прав участников строительства. Основными проблемами являются: отсутствие законодательного закрепления права участников строительства инициировать процедуру банкротства застройщиков; неурегулированность вопроса трансформации денежных требований в требования о передаче жилых помещений; ограничение прав граждан при предъявлении требований о передаче нежилых помещений площадью более семи квадратных метров; правовой пробел в вопросе признания права собственности на жилые помещения после подачи заявления о банкротстве застройщика.

Ключевые слова: банкротство застройщиков, долевое строительство, защита прав участников строительства, несостоятельность, жилищное строительство, эскроу-счет, требования кредиторов.

В условиях современного экономического развития строительство жилья для граждан приобретает особое значение, поскольку строительный сектор является одним из важнейших двигателей экономического роста страны, и, соответственно, проблема правового регулирования несостоятельности (банкротства) застройщиков требует пристального внимания и тщательного исследования. При банкротстве застройщиков четкая регламентация института несостоятельности и формирование устойчивой законодательной базы приобретают первостепенное значение для обеспечения защиты прав и законных интересов участников процесса строительства. Указанные меры имеют непосредственную связь с реализацией основополагающего конституционного права граждан на жилище, закрепленного в ст. 40 Конституции РФ [1]. По информации из Единой информационной системы жилищного строительства, в настоящее время в России возводится 113,7 млн кв. м жилой недвижимости. Примечательно, что более 80 % этого объема строится с использованием счетов эскроу [2].

Согласно статистическим данным из отчетов Верховного Суда РФ за период 2022–2024 гг., динамика банкротств застройщиков демонстрирует постепенный спад [3–5]. Количество рассматриваемых арбитражными судами дел о банкротстве застройщиков существенно снизилось в 2022 г., достигнув 91 случая по сравнению со 121 делом в 2021 г. Последующее снижение до 54 дел в 2023 г. можно охарактеризовать как зна-

чительное, предположительно связанное с ужесточением нормативных требований к застройщикам, а также с улучшением контроля за их финансовой деятельностью.

Законодательные изменения последних лет, направленные на усиление защиты прав участников долевого строительства и ужесточение требований к застройщикам, в перспективе могут стимулировать увеличение числа банкротств в строительной отрасли. А вспомогательное воздействие на застройщиков, порождаемое вновь создаваемыми нормативными требованиями, в дальнейшем может спровоцировать рост количества банкротств в данном секторе.

В современном механизме защиты прав участников строительства существенным недостатком является отсутствие законодательно установленной возможности инициирования ими процедуры банкротства застройщика. Действующее законодательство, а именно абз. 1 п. 3 ст. 201.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [6], предоставляет право подачи заявления в суд исключительно уполномоченному органу либо конкурсному кредитору, при этом важно отметить, что если заявителю известно, что должник является застройщиком, то он обязательно должен указать это при подаче заявления. Согласно абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве, статус конкурсных кредиторов присваивается кредиторам по денежным обязательствам. При этом в случае

применения правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве данные участники переходят из третьей очереди погашения требований при обычном банкротстве в четвертую. Следует также добавить, что данный переход, корректирующий приоритетность удовлетворения их требований, происходит автоматически.

Решением данной проблемы может стать внесение изменений, связанных с применением Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о Фонде), в п. 3 ст. 201.1 Закона о банкротстве следующего содержания: «В целях указания сведений о том, что должник является застройщиком, участник строительства вправе обратиться в Фонд для инициирования процедуры банкротства в соответствии с пунктом 2.6 настоящей статьи».

Существенной проблемой в сфере банкротства застройщиков является отсутствие законодательного закрепления права участника строительства на трансформацию требований. «При проведении процедуры несостоятельности застройщика участники строительства вправе предъявлять требования как денежного, так и неденежного характера, однако возможность изменения денежных требований на требования о передаче жилых помещений законодательно не регламентирована» [7, с. 156]. Судебная практика по данному вопросу не демонстрирует единообразного подхода, что создает существенные риски для участников строительства при заявлении подобных требований.

Это подтверждается двумя примерами из решений Верховного Суда РФ. В первом случае Верховный Суд отменил судебные акты нижестоящих инстанций, отказавших в трансформации денежного требования в требование о передаче жилого помещения, и направил дело на новое рассмотрение [8]. Суд указал, что трансформация требований допустима, так как она не изменяет правового положения кредитора и не увеличивает объем его прав. Основная цель банкротства застройщика – защита прав участников долевого строительства, и форма требования (денежное или о передаче жилья) не должна лишать их права на получение жилого помещения. Суды обязаны учитывать отсутствие волеизъявления кредитора на замену жилья денежным требованием и действия нового застройщика, отказавшегося исполнять обязательства.

Во втором случае Верховный Суд отказался рассматривать кассационную жалобу, оставив в

силе постановление окружного суда, который отменил решение суда нижестоящей инстанции, содержащее отказ в трансформации требований, и направил дело на новое рассмотрение [9]. Однако ключевые моменты здесь иные: суд округа, отменяя акт нижестоящей инстанции, сослался на необходимость тщательной оценки всех обстоятельств, таких как условия предварительных договоров и действия сторон. Верховный Суд не дал четкой правовой позиции по существу, ограничившись процессуальным решением, что оставляет вопрос открытым для разяснения на уровне первой инстанции.

Эти примеры демонстрируют, что судебная практика по данному вопросу не сформирована окончательно. В первом случае Верховный Суд РФ прямо поддержал возможность трансформации, подчеркнув приоритет защиты прав граждан-дольщиков. Во втором случае решение носило процессуальный характер и не затронуло материально-правовые аспекты, что создает риск разночтений при новом рассмотрении.

Итак, в контексте данной проблемы видится необходимым внесение в законодательство соответствующих изменений, направленных на упорядочение процедуры трансформации требований и обеспечение защиты прав участников строительства.

В современном банкротном законодательстве существует серьезная проблема, связанная с недостаточной защитой прав граждан – участников строительства при предъявлении требований о передаче нежилых помещений площадью более семи квадратных метров [10, с. 81]. Действующий закон не предусматривает включение таких требований в реестр требований о передаче жилых помещений, ограничивая их удовлетворение общим порядком в качестве денежных требований. Подобное законодательное ограничение, устанавливающее барьер в семь квадратных метров, создает существенные проблемы для участников строительства.

Установленное ограничение служит исходной точкой для возникновения неравенства между участниками долевого строительства, дифференцируя их правовой статус исключительно по критерию площади приобретаемого помещения, что можно рассматривать как нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ. Кроме того, подобное ограничение весьма неблагоприятно влияет на развитие общего делового климата в стране, так как нежилые помещения большей площади зачастую приобретаются для ведения коммерческой деятельности.

Особую актуальность проблема приобретает на фоне того, что в современном мире наблюдается очевидная тенденция замены строительства традиционных жилых помещений жилыми апартаментами. При этом действующее законодательство закрепляет, что апартаменты, даже используемые для постоянного проживания граждан, классифицируются как нежилые помещения, а это, в свою очередь, лишает участников долевого строительства возможности применять механизмы защиты, предусмотренные для жилых помещений. Таким образом, сложившаяся ситуация требует законодательного урегулирования для обеспечения равной защиты прав всех участников строительства независимо от площади и назначения приобретаемых помещений.

Анализ законодательства позволяет предложить оптимальное решение существующей проблемы путем внесения изменений в положения подп. 3.1 п. 1 ст. 201.1 Закона о банкротстве. Целесообразно установить предельный размер площади нежилых помещений в 120 квадратных метров. Данное предложение основывается на действующих нормах законодательства, в частности п. 1 ст. 10 Закона о Фонде, согласно которому размер обязательных отчислений застройщиков в компенсационный фонд составляет 1,2 % от согласованной сторонами цены каждого договора участия в долевом строительстве, включающего передачу жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, при этом площадь нежилого помещения не регламентируется. Правила выплаты Фондом возмещения гражданам – участникам строительства устанавливают лимит общей площади жилых помещений, подлежащих компенсации, в размере 120 квадратных метров. Логичным представляется распространить аналогичное ограничение на нежилые помещения при применении норм о банкротстве застройщиков в отношении участников строительства, претендующих на получение таких объектов недвижимости.

В законодательстве о банкротстве застройщиков существует правовой пробел, касающийся признания права собственности на жилые помещения. Пункт 8 ст. 201.11 Закона о банкротстве предоставляет механизм защиты прав участников строительства через признание права собственности на жилое помещение. Законодательное регулирование четко определяет порядок действий для случаев, когда акты приемки жилых помещений были подписаны до подачи заявления о признании застройщика банкротом, тогда как ситуация с требованиями участников строительства, подписавших акты приемки после подачи заявления о банкротстве, остается неурегулированной и еще не нашла свое отра-

жение в действующем законодательстве. При этом считаем важным отметить, что на практике арбитражные суды обычно удовлетворяют требования о признании права собственности в рамках дела о банкротстве застройщика, применяя аналогичные правила вне зависимости от момента подписания актов приемки.

Так, Арбитражный суд Московского округа оставил без изменения судебные акты нижестоящих инстанций, удовлетворившие требование Поярковой А. Р. о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства (таунхаус и земельный участок) в рамках дела о банкротстве застройщика ООО «Сабидом» [11]. Суды установили, что Пояркова А. Р. полностью исполнила свои обязательства по оплате объекта долевого строительства. При этом по состоянию на дату рассмотрения заявления Поярковой А. Р. жилое помещение ей фактически передано, однако в эксплуатацию не введено, акт приема-передачи не подписан, право собственности не оформлено, в то время как строительство фактически завершено.

Для устранения данного правового пробела представляется целесообразным внести изменения в п. 8 ст. 201.11 Закона о банкротстве, исключив формулировку «до даты принятия заявления о признании застройщика банкротом». Подобное изменение позволит эффективно защитить права участников строительства, исключив оплаченные и переданные им квартиры из конкурсной массы должника в период, предшествующий банкротству застройщика.

Проведенное исследование демонстрирует комплексный характер проблематики банкротства застройщиков в современных российских реалиях. Значительный объем строительства жилья, достигающий 113,7 млн квадратных метров, из которых более 80 % возводится с использованием эскроу-счетов, подчеркивает масштабность и социальную значимость данного сектора экономики. Динамика банкротств застройщиков за период 2022–2024 гг. выявила тенденцию к снижению с пиковым значением в 2022 г., что тем не менее не свидетельствует об отсутствии необходимости совершенствования механизмов защиты прав участников строительства.

Анализ действующего законодательства позволил выявить ряд существенных правовых пробелов, требующих немедленного устранения. Отсутствие законодательного закрепления права участников строительства инициировать процедуру банкротства застройщиков, невозможность трансформации требований, а также ограничения по площади нежилых помещений создают серьезные препятствия для эффективной защиты прав граждан. Предложенные изме-

нения, включая дополнение п. 3 ст. 201.1 Закона о банкротстве, а также корректировку положений подп. 3.1 п. 1 ст. 201.1 Закона о банкротстве относительно предельного размера площади

нежилых помещений, направлены на устранение выявленных недостатков правового регулирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
2. Единая информационная система жилищного строительства : сайт. URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2022 год / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // Верховный Суд РФ : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2023 год / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // Верховный Суд РФ : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8808> (дата обращения: 20.02.2025).
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2024 года / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // Верховный Суд РФ : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8774> (дата обращения: 20.02.2025).
6. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
7. Пивцаев Е. И. Особенности несостоятельности (банкротства) застройщиков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2017. 277 с.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 февр. 2023 г. № 308-ЭС18-17191(5) по делу № А32-1070/2017 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 301-ЭС20-16209(2) по делу № А79-9364/2017 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Барабина М. П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) застройщиков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ульяновск, 2019. 185 с.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 августа 2022 г. по делу № А41-100991/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Особенности квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции

© Шоноева С. А., 2025

С. А. Шоноева

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: svetlana-sonoeva@gmail.com

Научный руководитель:

О. В. Радченко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: radchenko.ov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 151.1 Уголовного кодекса РФ. Делается вывод о том, что понятие «розничная продажа» исключает иные способы торговли.

Ключевые слова: розничная продажа, алкогольная продукция, табачная продукция, сбыт, несовершеннолетний, дистанционный способ продажи.

Одна из ключевых задач Российской Федерации – охрана детства. Детство является основным периодом формирования личности. Государственная политика России направлена на содействие гармоничному развитию ребенка, адаптации его к активной социальной жизни, воспитание высоких моральных качеств, любви к Родине и чувств гражданской ответственности.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует ряд социальных проблем, в том числе связанных с рассматриваемой ст. 151.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1]. Они связаны с рядом факторов, таких как:

- стремление подростков продемонстрировать свою зрелость и независимость;
- влияние образов популярных героев кино и СМИ;
- наличие эмоциональных и личностных трудностей у несовершеннолетних;
- нестабильное социально-экономическое положение отдельных слоев населения.

Немаловажным фактором, способствующим отклонениям в поведении несовершеннолетних, выступает распространение среди них вредных привычек – курения и злоупотребления алкоголем. Именно поэтому для пресечения такого деяния в 2011 г. в УК РФ была включена ст. 151.1, предусматривающая ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Следует отметить, что рассматриваемая уголовно-правовая норма была разработана преимущественно с целью обеспечения права несовершеннолетних на ведение здорового образа жизни и нормальное развитие. Как отмеча-

ется в пояснительной записке к законопроекту, ст. 151.1 УК РФ направлена на достижение целей Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 13518 [2], согласно которой одним из главных условий благополучного социального развития является реализация мероприятий по формированию здорового образа жизни населения, и прежде всего несовершеннолетних, включая искоренение пьянства и наркомании. Можно сделать вывод, что включение данной нормы в УК РФ является необходимым шагом для нормального развития и физического здоровья несовершеннолетних.

Несмотря на то что ст. 151.1 УК РФ является относительно новой, она уже претерпела серьезные изменения. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 515-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] была обновлена редакция ст. 151.1 УК РФ, существенно увеличивающая предмет данного состава. С декабря 2024 г. формулировка уголовно-правовой нормы представлена следующим образом: «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции, если это деяние совершено неоднократно, – наказывается штрафом».

В последнее время в разных регионах нашей страны участились несчастные случаи, связан-

ные со взрывом вейпов в руках, полости рта, одежде несовершеннолетних, которые приводят к тяжким последствиям. Анализ сложившейся ситуации показывает, что последние поправки, внесенные в ст. 151.1 УК РФ, являются абсолютно оправданными.

На сегодняшний день не все вопросы, связанные с квалификацией преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, решены в удовлетворяющей науку и практику степени.

Общие положения о розничной продаже регламентируются гл. 30 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В соответствии с положениями ст. 492 ГК РФ по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью [4]. Исходя из анализа гражданско-правовой нормы, можно сделать вывод, что сторонами такого договора являются продавец, который в последующем выступает субъектом преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, и несовершеннолетний в лице покупателя. Гражданское право признает такую сделку ничтожной, так как на законодательном уровне установлен прямой запрет продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

Обратимся к законодательству в сфере торговой деятельности для полного раскрытия такого признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, как розничная продажа.

Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» определяет торговую деятельность (торговлю) как вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров.

В соответствии с положениями ст. 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» под «розничной торговлей» понимается вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [5].

Рассмотрим пример из судебно-следственной практики. Так, «К. Г. А. примерно в 16 часов 59 минут, будучи привлеченной к административной ответственности за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, находясь на своем рабочем месте в помещении

магазина, осознавая противоправность и неоднократность своих действий, в нарушение п. 2 ст. 16 ФЗ от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции, устанавливающего запрет розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним» осуществила розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетней О., одной бутылки пива» [6].

Буквальное толкование уголовно-правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель установил уголовную ответственность только за розничную продажу, оставляя без внимания иные способы возмездной и безвозмездной передачи (обмен, дарение, дачу взаймы и т. д.).

Именно поэтому А. А. Берндт акцентирует внимание на следующем положении: «...термин “продажа” правильной заменить термином “сбыт”, поскольку он охватывает более разнообразные формы отчуждения алкогольной продукции» [7, с. 222].

Разделяя данную позицию, Г. В. Ляшина высказывается сходным образом, подчеркивая в своем научном труде следующее утверждение: «Данная статья не оставляет без внимания вопрос, почему законодатель установил уголовную ответственность только за розничную продажу алкоголя несовершеннолетним, оставив без внимания иные способы передачи» [8, с. 192].

С. В. Смелова также обратила внимание на данную проблему: «Справедливо представляется расширить сферу применения ст. 151.1 УК РФ, заменив в диспозиции ст. 151.1 УК РФ и ст. 14.16 КоАП РФ термин “розничная продажа” на понятие “сбыт”» [9, с. 54]. Ученый-правовед основывается на опыте зарубежных законодательств, среди которых выделяет опыт таких стран, как Болгария, Польша, Швеция (из континентальной правовой семьи), Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада (представители общего права).

К. В. Дядюн придерживается аналогичной точки зрения: «Для эффективной реализации целей и задач, положенных в основу ст. 151.1 УК РФ, правильнее было бы использовать более общий термин – “сбыт”» [10, с. 155]. Он считает, что введение в диспозицию ст. 151.1 УК РФ такого понятия может повысить применение данной уголовно-правовой нормы. С этим нельзя не согласиться, так как, например, если несовершеннолетнему на празднике родители дадут попробовать алкоголь, то такие действия сразу могут расцениваться как правонарушения. Поэтому в

рассматриваемом контексте следует согласиться с К. В. Дядюн, что выходом из подобной ситуации может послужить включение в ст. 151.1 УК РФ примечания, закрепляющего понятие «сбыт» для целей данной статьи.

Также необходимо отметить, что отказ от понятия «продажа» позволит расширить объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Представляется целесообразным и включение в содержание ст. 151.1 УК РФ понятия «сбыт», так как, исходя из толкования закона, ответственность предусмотрена только за розницу.

Так, говоря о продаже предмета преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, необходимо рассмотреть и дистанционный способ. На данный момент несовершеннолетние являются одними из активных и опытных пользователей сети Интернет. Таким образом, они могут воспользоваться подобным способом для удовлетворения своих потребностей, например, попробовать алкоголь, табачные изделия, кальяны, вейпы, электронные сигареты.

«Основным специализированным нормативным правовым актом в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции является Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [11, с.17]. В ст. 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» указан прямой запрет на дистанционный способ продажи алкогольной продукции [12]. Однако статистика Роскомнадзора свидетельствует о том, что, несмотря на запрет, дистанционный способ популярен по покупке алкогольной продукции. Так, в 2016 г. было заблокировано 456 сайтов; в 2018 г. – около 1,2 тыс. сайтов; в 2019 г. – 1,1 тыс.; в 2020 г. – около 5,5 тыс. сайтов; в 2021 г. – свыше 5600; в 2022 г. – 6,5 тыс. сайтов; в 2023 г. – около 7500 [13]. Также данный запрет распространяется и на новый предмет преступления, предусмотренный ст. 151.1 УК РФ. В соответствии с п. 3 ст. 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» «запрещается розничная торговля табачной продукцией или никотинсодержащей продукцией... дистанционным способом продажи...» [14].

Анализируя статистические сведения дистанционной продажи алкогольной продукции, можно прийти к выводу о том, что из года в год данный способ является популярным. Однако на момент включения подп. 14 (дистанционного способа) в п. 2 ст. 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» отсутствовала необходимость выделять квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, учитывая специфику различных способов реализации алкоголя.

Таким образом, дистанционный способ (интернет-продажа) розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции – это актуальная проблема, требующая решения. Еще в 2017 г. Министерство финансов РФ выступило с предложением разработки проекта, который предусматривал дополнение Уголовного закона новой статьей, регламентирующей ответственность за розничную продажу алкогольной продукции дистанционным способом. Подобная инициатива получила дальнейшее развитие и была воплощена в виде законопроекта № 202180-7 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [15]. Согласно пояснительной записке к данному законопроекту спрос на алкоголь в сети Интернет по-прежнему остается стабильно высоким, покупателей привлекает низкая цена, возможность приобретения алкоголя в ночное время, отсутствие проверки продавцом возраста клиента.

А. А. Готин и Н. В. Кузьмина предлагают решить данную проблему таким образом: «В современных условиях возникает объективная необходимость дополнения статьи 151.1 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как использование средств массовой информации, информационно-коммуникационных сетей, включая сеть Интернет» [16, с. 318].

А. А. Трофимов указывает, что следует включить в ст. 151.1 УК РФ новый квалифицирующий признак, связанный с продажей алкогольной продукции в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [17, с. 127].

Подобную точку зрения разделяет и И. Я. Ильина, предлагая собственную трактовку рассматриваемого положения: «Представляется целесообразным внести в ст. 151.1 УК РФ изме-

нения относительно розничной интернет-продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» [18, с. 63].

Принимая во внимание все указанные обстоятельства, можно сказать, что предложенные изменения в ст. 151.1 УК РФ в части продажи алкогольной продукции, а также табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции дистанционным способом являются обоснованными.

Особое внимание следует уделить содержанию нормы, закрепленной в ст. 151.1 УК РФ, которая не предусматривает такого признака, как незаконность. Из-за отсутствия данного признака создаются некоторые особенности квалификации. Поэтому «розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции» лицом, не имеющим статус индивидуального предпринимателя либо же юридического лица, не образует состав преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что розничная продажа вышеперечисленной продукции лицам, не достигшим 18 лет, может осуществляться только на легальной торговой точке.

Ярким примером применения данной статьи в судебно-следственной практике является приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-278/2019. Так, «Г. неоднократно рознично продала несовершеннолетним алкогольную продукцию. 13.11.2018 около 16 часов 30 минут, точно время установлено, Г., являясь продавцом, находилась на рабочем месте в помещении магазина, где у нее возник умысел на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетней. Г., реализуя свой преступный умысел,

в нарушение требований п. 2 ст. 16 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” от 22.11.1995 № 171-ФЗ, а также являясь лицом, подвергнутым административному наказанию за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, находясь в помещении магазина, осуществила розничную продажу алкогольной продукции, а именно красного вина 16-летней А.» [19].

В заключение хотелось бы отметить, что понятие «розничная продажа» является узким и не охватывает остальные способы продажи предмета преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Сама диспозиция изучаемой статьи неоправданно сужает круг охраняемых правоотношений, потому что предусматривает продажу исключительно только на официальной (легальной) торговой точке либо же на местах общественного питания. При этом законодатель не учитывает множество других способов распространения предмета преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, и оставляет вне рамок уголовно-правового воздействия. Например, это:

- 1) различные виды гражданско-правовых конструкций в виде сделок (обмен, дарение, передача за вознаграждение);
- 2) использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- 3) передача друг другу с помощью частных лиц и др.

Итак, под розничной продажей несовершеннолетним предмета преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, понимается общественно опасное деяние, которым причиняется ущерб здоровью несовершеннолетним.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что на сегодняшний день ст. 151.1 УК РФ требует доработок в части диспозиции, а именно ее существенного расширения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351 // Собр. законодательства РФ. 2007. № 39. Ст. 4653.
3. О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 515-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 53. Ст. 4548.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 4553.
6. Приговор Ленинского районного суда Астраханской области от 10 июля 2020 г. по делу № 1-232/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PEG27RCw9Ym/> (дата обращения: 20.12.2024).

7. Берндт А. А. Понятие «розничная продажа» алкогольной продукции в составе преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 221–224.
8. Ляшина Г. В. Проблемы уголовно-правового регулирования ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» // Юриспруденция, история, социология. 2017. № 3. С. 190–194.
9. Смелова С. В. Уголовная ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: пробелы законодательства // Актуальные исследования. 2020. №3. С. 54–57.
10. Дядюн К. В. Установление уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: анализ целесообразности // Lex Russica. 2020. № 10. С. 150–158.
11. Дамдинов Б. Д. К вопросу о разграничении юрисдикционных полномочий в сфере административной ответственности между органами, осуществляющими государственный контроль (надзор) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (на примере части 2 статьи 14.16 и части 3 статьи 14.17 КоАП РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2 (81). С. 15–20.
12. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. № 171-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
13. Результаты деятельности Роскомнадзора за 2016, 2018, 2019 и 2020 годы // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: офиц. сайт. URL: <https://old.rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения: 07.12.2024).
14. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: федер. закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 43. Ст. 415.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона № 202180-7 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
16. Готин А. А. К вопросу о продаже алкоголесодержащей продукции несовершеннолетним дистанционным способом // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. ст. / ред. А. В. Бухарев, А. А. Лукоянов, Е. А. Суманеева. Кострома, 2022. Ч. 1. С. 316–320.
17. Трофимов А. А. Направление развития уголовно-правовой нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 124–127.
18. Ильина И. Я. Розничная продажа и интернет- продажа несовершеннолетним алкогольной продукции – суррогата алкоголя // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18. С. 62–64.
19. Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-278/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XPR6U65h19dn/> (дата обращения: 20.12.2024).